

Марк Туллий Цицерон

О ДРУЖБЕ
(Лелий)

[44 г., после 15 марта.]

(1, 1) Квинт Муций, авгур¹, не раз многое рассказывал нам о своем тесте Гае Лелии, хорошо все помня, и в каждой своей беседе, не колеблясь, называл его "Мудрым". После того, как я надел тогу взрослого², мой отец поручил меня Сцеволе, и я, пока мог и пока мне было дозволено, уже никогда ни на шаг не отходил от этого старика. Поэтому я запоминал и его многие глубокие рассуждения, и его короткие и меткие высказывания и старался, воспользовавшись его ученостью, и сам стать учнее. После его смерти я перешел к Сцеволе, понтифику³, которого осмелюсь назвать самым выдающимся в нашем государстве человеком по уму и справедливости. Но о нем в другой раз. Теперь возвращусь к авгуру.

(2) Помнится, он однажды (это бывало часто), обсуждая многие вопросы, — по своему обыкновению, он сидел у себя в полукруглой комнате⁴, — когда присутствовали я и несколько близких друзей, в своей беседе обратился к событию, бывшему тогда почти у всех на устах. Ты, Аттик, конечно, помнишь, — тем более, что ты много общался с Публием Сульпицием⁵, — каковы были всеобщее изумление и сожаление, когда он, будучи плебейским трибуном, порвал, смертельно возненавидев его, с тогдашним консулом Квинтом Помпеем⁶, с которым он ранее был в теснейших дружеских отношениях. (3) Итак, Сцевола, упомянув именно об этом событии, изложил нам беседу Лелия о дружбе, которую тот вел с ним и со своим другим

зятем, Гаем Фаннием, сыном Марка, через несколько дней после смерти Публия Африканского. Мысли, высказанные им в этом рассуждении, я сохранил в памяти и, по своему разумению, изложил в этой книге. Я представил этих людей беседующими друг с другом, дабы не вставлять каждый раз слов "говорю я" и "говорит он" и дабы слушателям казалось, что беседа происходит между людьми присутствующими.

(4) Ты не раз советовал мне написать что-нибудь о дружбе. Предмет этот показался мне достойным как того, чтобы все ознакомились с ним, так и наших с тобою тесных дружеских отношений; поэтому я, по твоей просьбе, весьма охотно выполнил это, чтобы принести пользу многим людям. Но как в "Катоне Старшем"⁷, который я посвятил тебе и где говорится о старости, я представил Катона стариком, ведущим это рассуждение, потому что никто другой, казалось мне, не был более подходящим человеком, чтобы говорить об этом возрасте, чем он, который и сам давно уже был глубоким стариком⁸ и уже в старости занимал очень высокое положение, так теперь, поскольку мы узнали от своих отцов о достопамятной дружбе между Гаем Лелием и Публием Сципионом, именно Лелий показался мне наиболее подходящим человеком, чтобы вести беседу о дружбе; его рассуждения о ней Сцевола запомнил. Ведь такой вид беседы, основанный на авторитете людей прошлого времени, и притом знаменитых, почему-то кажется более убедительным. Поэтому, когда сам я перечитываю написанное мною, то мне порой начинает казаться, что говорит сам Катон, а не я⁹.

(5) И вот, как тогда я, уже старик, посвятил старику сочинение о старости, так в этой книге я, преданный друг, посвящаю другу сочинение о дружбе. Тогда говорил Катон, в те времена, пожалуй, старейший и умнейший человек; теперь Лелий, и "Мудрый" (таким ведь его считали), и прославившийся как преданный друг, говорит о дружбе. Пожалуйста, на короткое время забудь обо мне и представь себе, что говорит сам Лелий. Гай Фанний и Квинт Муций приходят к своему тестю вскоре после смерти Публия Африканского; они заводят разговор, Лелий отвечает им, и все его рассуждение посвящено дружбе. Читая, его, ты узнаешь самого себя¹⁰.

(II, 6) *Фанний*. — Ты прав, Лелий, не было лучшего, не было более прославленного человека, чем Публий Африканский. Но ты должен знать, что взоры всех обращены на тебя. Одного тебя называют и считают "Мудрым". Такое прозвание еще недавно дали Марку Катону; во времена, когда жили наши отцы, как мы знаем, мудрым называли Луция Ацилия¹¹; но каждого из них, я бы сказал, по разным причинам: Ацилия — так как его считали знатоком гражданского права; Катона — так как он был опытен во многих областях и была известна глубокая дальновидность его многих высказываний в сенате и на форуме, его стойкость в поступках и остроумие его ответов; по этой причине у него в старости было даже как бы прозвание "Мудрый"¹². (7) Ты же, как полагают, мудр, так сказать, по-иному: не только по своей натуре и нравам, но и по образованию и учености. И тебя склонны называть мудрым не в том смысле, в каком это делает толпа, а как слово это обыкновенно употребляют образованные люди. Как мы знаем, в Греции не было человека, подобного тебе (ведь люди, более глубоко изучающие эти вопросы, так называемых "семерых"¹³ не относят к числу мудрецов), и лишь в Афинах был единственный человек, которого оракул Аполлона признал мудрейшим¹⁴. Твоя же мудрость, по всеобщему мнению, заключается в том, что ты считаешь все свои качества заложенными в тебе самом, а доблесть ценишь превыше событий в жизни человека. Поэтому меня (думаю, что и присутствующего здесь Сцеволу) и спрашивают, как ты переносишь смерть Публия Африканского, — тем более, что в минувшие ноны, когда все мы собрались в садах авгура Децима Брута для своих обычных занятий, тебя не было, между тем ты всегда весьма строго соблюдал этот день и выполнял свои обязанности¹⁵.

(8) *Сцевола*. — Об этом спрашивают многие, Гай Лелий, как Фанний уже говорил; я же в ответ говорю то, что я заметил: скорбь, испытанную тобою в связи со смертью

прославленного мужа и близкого друга, ты переносишь сдержанно; ты не мог не быть потрясен ею, и это было бы несвойственно твоему мягкосердечию; но твое отсутствие в нашей коллегии в ноны я объясняю твоим нездоровьем, а не твоей печалью.

Лелий. — Ты прав, Сцевола, это верно; ведь от этой обязанности, которую я всегда исполнял, будучи здоров, огорчение должно было бы меня отвлечь; по моему мнению, стойкому человеку никакое несчастье не может дать повода прервать исполнение какой бы то ни было из его обязанностей. (9) Ты же, Фанний, говоря, что мне приписывают много такого, чего сам я за собой не признаю и на что не притязую, поступаешь дружески; но ты, мне кажется, судишь о Катоне неправильно; ведь мудрым либо не был никто, чему я больше склонен верить, либо если кто-то им и был, то это был именно он. Как он (другие доказательства оставлю в стороне) перенес смерть сына!¹⁶ Я помню Павла¹⁷, видел Гала¹⁸; но ведь они потеряли сыновей отроками, а Катон — уже сложившимся и испытанным мужем. (10) Поэтому подумай и не ставь выше Катона даже того человека, которого, по твоим словам, Аполлон признал мудрейшим¹⁹; ведь первого прославляют за его деяния, второго — за его высказывания. А о себе — буду говорить уже с вами обоими — скажу вот что:

(III) Если бы я сказал, что не испытываю тоски по Сципиону, то пусть мудрые люди²⁰ решат, правильно ли это; но я, конечно, солгал бы; ибо я потрясен утратой такого друга, каким мне, полагаю, никогда не будет никто и, как могу утверждать, конечно, не был никто. Но я не нуждаюсь во врачевании: утешаюсь сам и прибегаю, главным образом, к утешению, заключающемся в том, что я свободен от заблуждения, от которого обыкновенно страдает большинство людей после кончины их друзей. Со Сципионом, думается мне, никакого несчастья не произошло; оно произошло со мной, если произошло вообще; но страдать из-за своих собственных злоключений свойственно не другу, а себялюбцу²¹. (11) Что касается Сципиона, то кто станет отрицать, что его участь была прекрасна? Ведь если он не хотел избрать для себя бессмертие (а этого он отнюдь не думал), то чего только не достиг он из всего того, что позволяет избрать человеку божественный закон? Ведь те величайшие надежды, какие еще во времена его отрочества возлагали на него сограждане, он уже в молодости превзошел своей необычайной доблестью; консулата он ведь никогда не добивался, но в консулы был избран дважды: в первый раз — до положенного времени, во второй — для себя в свое время, но для государства, можно сказать, поздно²²; ведь он разрушением двух городов, враждебнейших нашей державе²³, устранил возможность войн не только в настоящее время, но и в будущем. Стоит ли мне говорить о его добрейшем нраве — о его уважении к матери, щедрости к сестрам, доброте к родным, справедливости ко всем людям?²⁴ Вам все это известно. А как дорог был он гражданам, показала скорбь во время его похорон. Что же дали бы ему еще несколько лет жизни? Ведь старость, даже и не тяжкая, — насколько я помню, Катон за год до своей смерти беседовал об этом со мною и со Сципионом²⁵, — все же лишает человека той свежести сил, какой Сципион еще обладал.

(12) Поэтому жизнь его была такова, что к ней — ни в отношении удачи, ни в отношении славы — прибавить нечего, а от чувства близости смерти его избавила ее быстрота. Об этом роде смерти говорить трудно; что люди подозревают, вы знаете²⁶. Все-таки дозволено с уверенностью сказать одно: для Публия Сципиона из многих дней, увенчанных славой и доставивших ему радость, какие он видел в жизни, самым светлым был тот, когда его, по окончании собрания сената²⁷, вечером провожали домой отцы-сенаторы, римский народ, союзники и латиняне²⁸, — в канун его ухода из жизни: он со столь высокой ступени почета как будто переселился к небожителям, а не в подземное царство²⁹.

(IV, 13) Я, право, не согласен с теми, кто недавно начал утверждать, что вместе с телом погибает и душа и что смертью уничтожается все³⁰. Для меня больше значит авторитет древних, вернее, авторитет наших предков, признававших за умершими столь священные

права³¹; они, конечно, не поступали бы так, если бы думали, что это не имеет никакого значения для умерших; или авторитет тех, кто жил в нашей стране и своими учениями и наставлениями просветил Великую Грецию³², ныне уничтоженную, а тогда процветающую; или же авторитет того, кого оракул Аполлона признал мудрейшим³³ и кто не отстаивал то одно, то другое положение, как он поступал в большинстве вопросов, но всегда утверждал одно и то же: души людей божественны, и для них, когда они покинут тело, открыт обратный путь на небо, тем более беспрепятственный, чем лучше и справедливее был тот или иной человек. Такого же мнения был и Сципион. (14) Ведь за несколько дней до своей смерти, как бы предчувствуя ее, он в присутствии Фила, Манилия и многих других, когда и ты, Сцевола, пришел к нему вместе со мной, в течение трех дней рассуждал о государстве; почти в конце этой беседы он говорил о бессмертии душ и рассказал о том, что он, по его словам, увидев во сне Публия Африканского, узнал от него³⁴. Если это так и если души всех людей в их смертный час с великой легкостью улетают как бы из-под стражи и из оков тела³⁵, то можем ли мы думать, что для кого-нибудь путь к богам был более легок, чем он был для Сципиона? Вот почему скорбеть о его кончине, пожалуй, было бы скорее свойственно завистнику, а не другу. Если же правильно противоположное мнение — будто душа погибает так же, как и тело, и никакого чувства не остается, — то, если в смерти нет ничего хорошего, в ней, несомненно, нет и ничего дурного³⁶. Ведь, после утраты чувства получается так, словно Сципион вообще не родился на свет; однако тому, что он родился, и мы рады, и государство наше, пока будет жить, будет радоваться.

(15) Поэтому, как я уже говорил ранее, участь Сципиона была прекрасна, моя — менее благоприятна, так как было бы справедливее, чтобы я, раньше пришедший в жизнь, из нее раньше и ушел. Но все-таки воспоминания о нашей дружбе настолько радуют меня, что мне кажется, будто я прожил счастливо, так как жил в одно время со Сципионом; с ним меня связывали заботы о делах и государственных, и частных; с ним у меня были общими и дом, и походы, и то, в чем весь смысл дружбы, — полное согласие в желаниях, стремлениях и мнениях. Поэтому меня радует не столько молва о моей мудрости, о которой Фанний только что упомянул, — тем более, что она не верна, — сколько моя надежда на то, что память о нашей дружбе будет вечна. И это мне тем более по сердцу, что едва ли можно назвать, на протяжении всех веков, три-четыре пары друзей³⁷; так что дружба между Сципионом и Лелием, подобная их дружбе, надеюсь, станет известна потомкам.

(16) *Фанний.* — Так это и должно быть, Лелий! Но раз ты упомянул о дружбе, а мы располагаем досугом, то ты доставишь мне (надеюсь, и Сцеволе) большое удовольствие, если ты — подобно тому, как ты обыкновенно рассуждаешь о других предметах, о которых тебя спрашивают, — изложишь нам свой взгляд на дружбу: что ты о ней думаешь, как ее оцениваешь, какие наставления ей даешь?

Сцевола. — Да, это доставит удовольствие мне, и именно об этом я и собирался тебя попросить, но Фанний опередил меня. Поэтому ты доставишь очень большое удовольствие нам обоим.

(V, 17) *Лелий.* — Я не стал бы говорить, что это трудно мне, будь я уверен в себе; ибо и предмет это превосходный, и мы, как сказал Фанний, располагаем досугом. Но кто я такой, вернее, способен ли я к этому? Это — обыкновение ученых людей, в частности — греков: им предлагают вопрос, дабы они рассуждали о нем даже без подготовки; задача эта трудна и требует немалой изошренности. Вот почему о том, что можно сказать о дружбе, вам, по моему мнению, следует спросить у тех, кто в этом искушен³⁸; я же только могу посоветовать вам ставить дружбу превыше всех дел человеческих; ибо нет ничего более свойственного нашей природе и более ценного как в счастье, так и в несчастье.

(18) Но прежде всего я думаю, что дружба возможна только между честными людьми, и говорю это не в прямом смысле, как те, кто рассматривает эти вопросы более тонко³⁹, быть может, и правильно, но едва ли в интересах общей пользы; ведь, по их утверждению, честным человеком может быть только мудрый. Пусть будет действительно так! Но они здесь понимают под "мудростью" именно то, чего ни один смертный пока еще не достиг; мы же должны рассмотреть все то, что связано с опытом и обыденной жизнью, а не воображаемое и желательное. Никогда не скажу я, что Гай Фабриций, Маний Курий и Тиберий Корунканий⁴⁰, которых наши предки считали мудрыми, были мудры в соответствии с мерилем этих философов. Поэтому пусть философы эти сохраняют за собою прозвание "мудрых", и неприятное, и непонятное; пусть они согласятся с нами, что это были честные люди. Но даже этого они не сделают: они будут твердить, что таковыми можно признать только мудрых.

(19) Итак, приступим к рассмотрению вопроса как люди, соображающие несколько медленно, как говорится⁴¹. Тех, кто поступает, кто живет так, что их верность, неподкупность, беспристрастие и щедрость встречают всеобщее одобрение, тех, в ком нет никакой жадности, развращенности, наглости, кто отличается великой стойкостью (а такими и были те, кого я только что назвал), — вот их мы и должны называть честными людьми, — каковыми их и считали, — так как они, насколько это в человеческих силах, следуют природе, наилучшей наставнице в честной жизни. Ведь я, мне кажется, ясно вижу, что мы рождены с тем, чтобы все мы были как-то связаны друг с другом⁴², и тем теснее, чем ближе к каждому из нас стоит тот или иной человек. Поэтому согражданам мы оказываем предпочтение перед чужеземцами, родственникам — перед людьми сторонними; ведь дружбу между родственниками породила сама природа, но дружба эта недостаточно прочна. Ибо дружба тем сильнее родственных связей, что из родственных связей взаимную благожелательность устранить возможно, а из дружбы возможности этой нет⁴³; ведь если чувство благожелательности пропало, то дружба уничтожается, а родственные связи остаются. (20) Но сколь велика сила дружбы, особенно ясно можно понять вот из чего: в беспредельном обществе, образованном людьми и созданном самой природой, связи между людьми настолько сократились и ограничили, что все узы привязанности соединяют либо только двух человек, либо немногих⁴⁴.

(VI) Ведь дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью. Бессмертные боги, пожалуй, за исключением мудрости, ничего лучшего людям и не дали. Одни предпочитают богатства, другие — крепкое здоровье, власть — третьи, почести — четвертые, а многие — даже плотские наслаждения. Но последние — удел диких животных, а все то, что я перечислил выше, тленно и ненадежно; оно зависит не столько от наших замыслов, сколько от прихоти судьбы. Напротив, те, кто видит высшее благо в доблести⁴⁵, судят весьма разумно; именно эта доблесть порождает и поддерживает дружбу, а без доблести дружба совершенно невозможна.

(21) Разъясним теперь понятие доблести с точки зрения обыденной жизни и нашего языка; не станем, подобно некоторым ученым, измерять доблесть великолепием слов и перечислим честных мужей — тех, кто таковыми считается: Павлов, Катонов, Галов, Сципионов, Филлов⁴⁶; повседневная жизнь ими вполне удовлетворяется, а тех, которых вообще нигде не найти, оставим в стороне.

(22) Итак, среди подобных мужей те преимущества, какие дает дружба, столь велики, что я лишь с трудом могу их назвать. Прежде всего, как может "жизнь жизненной" быть, по выражению Энния⁴⁷, если она не находит себе успокоения во взаимной благожелательности друзей? Что может быть слаще, чем иметь человека, с которым ты решаешься говорить, как с самим собой?^{47a} Что пользы от счастливых обстоятельств, если у тебя нет человека, который порадовался бы им так же, как ты сам? А переносить несчастья было бы трудно без того, кто переносил бы их еще более тяжело, чем ты. Наконец, все прочее, чего люди добиваются,

каждое в отдельности предоставляет преимущества только в том или ином отношении: богатства — чтобы ими пользоваться; могущество — чтобы тебя уважали; магистратуры — чтобы тебя прославляли; наслаждения — чтобы ты испытывал радость; здоровье — чтобы ты не страдал и пользовался силами своего тела; дружба же заключает в себе множество благ. Куда бы ты ни обратился, она тут как тут; ее ниоткуда не устранишь; никогда не бывает она несвоевременной, никогда — тягостной; поэтому мы, как говорится, ни к воде, ни к огню⁴⁸ не прибегаем чаще, чем к дружбе. При этом я теперь говорю не о ходячем понятии дружбы, вернее, не о повседневных отношениях дружбы, хотя и они приятны и полезны, но об истинной и совершенной дружбе, какой была дружба между теми людьми, которых называют в числе немногих. Ибо счастливые обстоятельства дружба украшает, а несчастливые облегчает, разделяя их и принимая в них участие.

(VII, 23) Заключая в себе многочисленные и величайшие преимущества, дружба в то же время, несомненно, вот в чем превосходит все другое: она проливает свет доброй надежды на будущее и не дает нам слабеть и падать духом. Ведь тот, кто смотрит на истинного друга, смотрит как бы на свое собственное отображение. Поэтому отсутствующие присутствуют, бедняки становятся богачами, слабые обретают силы, а умершие — говорить об этом труднее — продолжают жить⁴⁹: так почитают их, помнят о них и тоскуют по ним их друзья. Ввиду этого смерть их кажется счастливой, а жизнь их друзей — заслуживающей похвал. Если мы устраним из природы узы благожелательности, то ни дом, ни город не уцелеют; даже обработка земли прекратится. Если это еще непонятно, то все могущество дружбы и согласия можно оценить, взглянув на картину распрей и разногласия. И в самом деле, какой дом столь прочен, какая гражданская община столь крепка, чтобы ненависть и раздоры не могли разрушить их до основания? Все это позволяет судить, как много хорошего в дружбе.

(24) Некий ученый муж, родом из Агригента⁵⁰, в стихах, написанных им по-гречески, говорят, вещал о том, что все существующее в природе и во всем мире и все движущееся природа соединяет, а разногласие разрывает. И все люди понимают это и подтверждают на деле. Поэтому если друг когда-либо нам оказал услугу, подвергаясь опасностям или разделяя их, то кто не превознесет этого величайшими похвалами? Какие одобрительные возгласы недавно раздались со всех мест для зрителей при представлении новой трагедии моего гостеприимца и друга Марка Пакувия⁵¹, когда — в то время как царь не знал, который из двоих Орест, — Пилад называл себя Орестом, а тот настаивал на том, что Орест именно он, как это и было на самом деле! Зрители стоя рукоплескали вымыслу. Как же, по твоему мнению, поступили бы они перед лицом действительности? Сама природа ясно давала понять свою мощь, когда люди на чужом примере признавали справедливость поступка, совершить который сами они не могли.

Вот каковы мои мысли о дружбе, которые я, как мне кажется, мог высказать. Если были высказаны и другие взгляды (думаю, их много), то вы, если найдете нужным, спросите о них у тех, кто изучает эти вопросы.

(25) *Фанний*. — Нет, мы предпочитаем узнать об этом именно от тебя. Впрочем, я не раз спрашивал тех, о ком ты говоришь, и охотно выслушивал их объяснения; но твоя речь как будто соткана по-иному.

Сцевола. — Ты, Фанний, сказал бы это еще с большим основанием, если бы недавно присутствовал в загородном именье Сципиона, когда обсуждался вопрос о государстве. Каким защитником справедливости выступил он тогда против тщательно отделанной речи Фила!⁵²

Фанний. — Но ведь человеку справедливому защищать справедливость было легко.

Сцевола. — А дружбу разве не легко защищать тому, кто прославился тем, что соблюдал ее с необычайной верностью, стойкостью и справедливостью?

(VIII, 26) *Лелий.* — Право, это значит применять силу. Но не все ли равно, каким образом вы меня принуждаете? А вы это делаете, несомненно. Ведь желаниям зятьев, особенно в хорошем деле, противиться трудно и, пожалуй, даже несправедливо.

Итак, когда я размышляю о дружбе, мне часто кажется, что самое важное — разрешить вот какой вопрос: из слабости ли и нужды человек чувствует потребность в дружбе, — чтобы оказанием взаимных услуг получать от другого то, чего он достичь не может, и в свою очередь поступать с ним так же, — или же причина тут другая, именно дружбе свойственная, более древняя, более прекрасная и в большей мере порождаемая самой природой?⁵³ Ведь любовь, от которой дружба и получила свое название⁵⁴, — первый повод к взаимной благожелательности. Ибо пользу мы часто извлекаем даже из таких людей, о которых мы заботимся, притворяясь их друзьями, и к которым мы внимательны в силу обстоятельств; в дружбе же нет ничего деланного, ничего притворного; решительно все искренно и добровольно. (27) Поэтому мне и кажется, что дружба возникла скорее от природы, чем в силу необходимости; в большей степени — от душевной склонности в сочетании с некоторым чувством приязни, чем от размышления о том, сколь большую пользу она принесет. В чем здесь сущность, возможно заметить даже у некоторых зверей, которые в течение определенного времени привязаны к своим детенышам, а те им отвечают привязанностью, так что их чувства вполне явны. У человека же это гораздо виднее: во-первых, по той любви, которая соединяет детей и родителей и может быть разорвана разве только отвратительным преступлением; во-вторых, когда у нас возникает чувство любви, если мы встретились с человеком, вполне подходящим нам по природному характеру, так как мы, как нам кажется, видим в нем как бы светочестности и доблести.

(28) Нет ведь ничего более привлекательного, чем доблесть, нет ничего, что больше склоняло бы нас к почитанию; ведь мы, конечно, в некоторой степени почитаем — за их доблесть и честность — даже тех, кого мы никогда не видели. Найдется ли человек, который не хранил бы памяти о Гае Фабриции и о Мании Курии⁵⁵ вместе с чувством любви и благоговения, хотя он их никогда не видел? С другой стороны, найдется ли человек, который не питал бы ненависти к Тарквинию Гордому, к Спурию Кассию и к Спурию Мелию?⁵⁶ За владычество в Италии мы не на жизнь, а на смерть воевали с двумя полководцами — с Пирром и с Ганнибалом⁵⁷: к первому мы, ввиду его доблести, особой неприязни не чувствовали; второго, за его жестокость, наши граждане всегда будут ненавидеть.

(IX, 29) Если честность столь сильна, что мы почитаем ее даже и в тех, кого мы никогда не видели, и, более того, даже и во враге, — то следует ли удивляться тому, что люди бывают тронуты, когда они в тех, с кем могут повседневно общаться, видят доблесть и доброту? Впрочем, любовь укрепляется, когда человеку оказана услуга, когда он усмотрел расположение к себе и когда ко всему этому присоединилась привычка: когда все это прибавилось к уже упомянутому нами первому движению души и расположению, то загорается, так сказать, редкостная доброжелательность. Если кое-кто думает, что она проистекает от слабости — дабы был налицо человек, при чьем посредстве было бы возможно достичь того, чего каждому недостает, — то такие люди предполагают, что дружба, я сказал бы, действительно низкого и далеко не благородного происхождения, раз они утверждают, что она зарождается в связи с нуждой и необходимостью. В этом случае, чем меньше сил чувствовал бы в себе человек, тем больше он был бы склонен к дружбе; но это далеко не так.

(30) Ведь чем больше человек уверен в себе, чем в большей степени наделен он доблестью и мудростью, так что он не нуждается ни в ком и думает, что все зависит от него самого, тем

более превосходит он других людей в создании и поддержании дружеских отношений. Что же? Разве Публий Африканский во мне нуждался?⁵⁸ Нисколько, клянусь Геркулесом! Даже и я в нем не нуждался; но я любил его, восхищаясь его доблестью, а он, в свою очередь, быть может, составив себе некоторое мнение о моем характере, любил меня; привычка укрепила взаимную благожелательность. И хотя к этому впоследствии присоединились многие и большие преимущества, причины нашего взаимного расположения все же не были связаны с надеждой на них. (31) Ведь если мы склонны к благодеяниям и щедры вовсе не для того, чтобы требовать благодарности (ибо благодеяния своего мы в рост не отдаем, но по натуре своей склонны к щедрости), то мы находим нужным искать дружбы, не движимые надеждой на награду, но потому, что все ее плоды заключены уже в самой приязни.

(32) Те, кто, уподобляясь животным, сводит все к наслаждению⁵⁹, с нами совершенно не согласны; это и не удивительно: кто во всех своих помыслах дошел до столь низкого и столь презренного предмета, тот не может видеть ничего высокого, ничего прекрасного и божественного. Поэтому исключим их из нашей беседы, но пойдем сами, что чувство любви и приязнь за доброжелательное отношение возникают от природы, когда человек проявил нравственное достоинство. Те, кто его достиг, тесно сближаются между собой, дабы получать пользу от общения с тем, кого они начали почитать, и от его добрых нравов и быть вполне равными с ним в любви и более склонными скорее оказывать услуги, чем требовать награды за них, и дабы это состязание между ними было нравственно-прекрасным. Таким образом, из дружбы будут извлекаться величайшие выгоды, но возникновение ее — от природы, а не вследствие слабости — будет и более достойным уважения, и более искренним. Ведь если бы дружеские отношения скрепляла выгода, то она же, претерпев изменения, разрывала бы их; но так как природа изменяться не может, то именно поэтому истинная дружба вечна. Возникновение дружбы вы видите; но, быть может, к сказанному мною вы хотите что-нибудь прибавить.

Фанний. — Нет, ты сам продолжай, Лелий! По праву старшего, я отвечаю и за Сцевола.

(33) *Сцевола.* — Я вполне согласен с тобой; поэтому слушаем.

(X) *Лелий.* — Так выслушайте же, честнейшие мужи, то, что мы со Сципионом обсуждали чаще всего, беседуя о дружбе. Впрочем, он утверждал, что самое трудное — сохранить дружбу до последнего дня жизни; ведь часто бывает, что либо интересы людей не совпадают, либо различны их мнения о положении в государстве⁶⁰; он говорил, что часто изменяется и характер людей: в одном случае — в несчастье, в другом — с годами. Как пример этому он приводил юность: отроки часто отбрасывают самую сильную привязанность вместе с той-претекстой; (34) а если привязанность эта сохранится и в молодости, то она все-таки иногда нарушается соперничеством, или женитьбой, или в погоне за каким-нибудь преимуществом, добиться которого и тот и другой не могут; даже если они сохранили дружбу в течение продолжительного времени, то ее часто расшатывает соперничество при соискании магистратур⁶¹; нет худшего бича для дружбы, чем жадность к деньгам, свойственная большинству людей, а между всеми лучшими людьми соперничество из-за почета и славы; на этой почве между лучшими друзьями часто возникала злейшая вражда.

(35) Полный и в большинстве случаев оправданный разрыв происходит в тех случаях, когда от друзей требуют какого-нибудь непорядочного поступка, например, быть пособниками в развороте или помощниками в противозаконии; тех, кто в этом отказывает, — хотя они и поступают прекрасно в нравственном отношении, — те, кому они не хотят повиноваться, все же обвиняют в измене долгу дружбы⁶². Те же, кто осмеливается потребовать от друга любой услуги, самим этим требованием своим дают понять, что и они ради друга готовы на все. Из-за их упреков обыкновенно не только прерываются давние дружеские связи, но даже

порождается ненависть навеки. И над дружескими отношениями, — говорил Сципион, — нависает так много этих, можно сказать, роковых угроз, что избежать всех их, по его мнению, — дело не только мудрости, но и удачи.

(XI, 36) Поэтому рассмотрим прежде всего, если хотите, вопрос о том, как далеко должна в дружбе заходить привязанность. Если у Кориолана были друзья, то неужели они должны были, вместе с Кориоланом, взяться за оружие против отечества?⁶³ Неужели Вецеллину, добивавшемуся царской власти⁶⁴, неужели Мелию друзья должны были помогать? (37) Когда Тиберий Гракх вызвал потрясения в государстве⁶⁵, то Квинт Туберон⁶⁶ и ровесники-друзья, как мы видели, покинули его. Но когда Блоссий из Кум⁶⁷, связанный узами гостеприимства⁶⁸ с вашей ветвью рода, Сцевола, пришел ко мне с целью получить прощение, так как я входил в состав совета при консулах Ленате и Рупилии⁶⁹, то он приводил в свое оправдание то обстоятельство, что он ценил Тиберия Гракха так высоко, что находил нужным исполнять все, чего бы тот ни пожелал. Тогда я спросил его: "Даже если бы он захотел, чтобы ты поджег Капитолий?" — "Никогда — сказал Блоссий, — он не захотел бы этого; но если бы он этого захотел, то я повиновался бы ему"⁷⁰. Вы видите, сколь нечестивы эти слова! И он, клянусь Геркулесом, это сделал и даже большее, чем то, о чем он говорил; ведь он не только повиновался Тиберию Гракху в его безрассудстве, но и руководил им и предоставил себя в его распоряжение не как пособник в его бешенстве, а как зачинщик. В этом безумии он, в страхе перед новым судебным следствием, бежал в Азию, перешел на сторону врагов, понес тяжелую и заслуженную кару за свое преступление перед государством. Следовательно, нет извинения проступку, совершенному ради друга; ибо если посредницей для возникновения дружбы будет молва о твоей доблести, то дружбе будет трудно сохраниться, если ты изменишь доблести.

(38) Поэтому, если мы признаем справедливым уступать друзьям во всем, в чем они этого захотят, и добиваться от них всего, чего захотим мы, то во всем этом не будет ничего дурного — при условии, что мы будем обладать совершенной мудростью. Но мы говорим о друзьях, которые у нас перед глазами, о друзьях, которых мы видим, вернее, о друзьях, о которых нам рассказали, каких встречаешь в обыденной жизни; из их числа нам и надо брать примеры, а более всего из числа тех, кто более других достиг мудрости. (39) Мы знаем, что Пап Эмилий был близким другом Лусцина (нам об этом поведали наши отцы); оба они дважды были вместе консулами, коллегами по цензуре⁷¹. Далее, по преданию, Маний Курий и Тиберий Корунканий были тесно связаны и с ними, и между собой. И мы не можем даже предположить, чтобы кто-нибудь из них решился потребовать от друга чего-либо такого, что было бы противно совести, противно клятве, противно интересам государства. Ведь когда дело идет о таких мужах, то надо ли говорить, что если бы такой муж чего-либо подобного потребовал, то он ничего бы не добился, так как это были высоконравственные мужи, и одинаковым нарушением божеского закона было бы и совершить что-нибудь подобное, уступив просьбам, и об этом попросить? А вот за Тиберием Гракхом пошли Гай Карбон⁷², Гай Катон⁷³ и, во всяком случае, тогда менее всего брат его Гай⁷⁴, в настоящее время совершенно непримиримый.

(XII, 40) Итак, в дружбе должен быть незыблемым закон — не просить друга о бесчестных действиях и самому таковых не совершать, уступая его просьбам; ибо позорно и никак не приемлемо оправдание, относящееся как к другим поступкам, так и к случаю, если кто-нибудь сознается в действиях, во вред государству совершенных ради друга. И вот, Фанний и Сцевола, мы пришли к тому, что мы должны далеко вперед предвидеть грядущие события в государстве.

Уклад нашей жизни намного отклонился от пути и "беговой дорожки"⁷⁵ предков. (41) Тиберий Гракх попытался захватить царскую власть, вернее, даже царствовал в течение нескольких месяцев⁷⁶. Слыхал ли, вернее, видел ли когда-нибудь римский народ что-либо

подобное этому? О том, что после смерти Тиберия Гракха его друзья и близкие совершили по отношению к Публию Сципиону⁷⁷, я не в силах говорить без слез. Ибо Карбона, ввиду кары, недавно постигшей Тиберия Гракха, мы терпели, как только могли, А чего я ожидаю от трибуната Гая Гракха, предсказывать мне не хочется. Дело идет все хуже и хуже; как только это началось, все стало рушиться и клониться к гибели. Вы видите, какое сильное потрясение устоев произошло еще раньше в связи с введением табличек для голосования — сначала на основании Габиниева закона, а через два года на основании Кассиева⁷⁸. Мне кажется, я уже вижу, что народ отторгнут от сената⁷⁹, что важнейшие дела решаются по произволу толпы. Ибо тому, как беспорядки совершать, будет учиться число людей большее, чем то, какое будет учиться им противодействовать.

(42) Почему я говорю об этом? Потому что без союзников таких попыток не делает никто. Следовательно, честных людей надо наставлять в том, чтобы они — если случайно, по неведению, приобретут подобных друзей — не считали себя связанными настолько, чтобы не отказываться от друзей, совершивших какое-нибудь тяжкое преступление; для бесчестных надо установить кару, и притом для тех, кто последует за другим, — кару не меньшую, чем для тех, кто сам будет вожаком в нечестивом деянии. Был ли в Греции кто-нибудь более славен, более могуществен, чем Фемистокл? После того, как он, будучи стратегом во время войны с персами, избавил Грецию от порабощения, а затем вследствие зависти был изгнан, он не стерпел нанесенного ему отечеством оскорбления, которое должен был стерпеть: он поступил так же, как в нашей стране двадцатью годами ранее поступил Кориолан. Но ни одного пособника в действиях во вред отечеству они не нашли. Поэтому оба они покончили с собой⁸⁰. (43) Итак, подобное согласие между бесчестными людьми не только нельзя оправдывать дружбой; нет, его надо карать любым видом казни, дабы никто не считал дозволенным последовать за другом, дошедшим до войны против отечества; но именно это, если судить на основании событий, рано или поздно произойдет⁸¹; меня же то, что с государством станет после моей смерти, заботит не меньше, чем нынешнее положение в нем.

(XIII, 44) Итак, да будет незыблемо установлен вот какой первый закон дружбы: будем просить друзей о нравственно-прекрасном⁸², будем совершать ради друзей нравственно-прекрасные поступки; даже не будем ждать, чтобы нас о них просили; стремление оказать услугу пусть всегда будет, промедления в этом пусть не будет; давать совет будем смело и без колебаний. В дружбе авторитет друзей, склоняющих к хорошему, пусть будет всемогущ, и для увещевания следует его прилагать не только откровенно, но и резко, если обстоятельства потребуют этого; ему следует повиноваться.

(45) Ибо некоторые люди, которых, как я слышал, в Греции считали мудрыми, высказывали, мне думается, странные мысли⁸³ (ведь нет предмета, которого они не исследовали бы крайне хитроумно): одни полагают, что чересчур тесных дружеских отношений надо избегать, дабы одному не приходилось тревожиться за многих; у каждого-де достаточно и даже чересчур много своих дел, не в меру впутываться в чужие тяжко; самое лучшее — держать вожжи дружбы возможно более ослабленными; их можно натянуть или отпустить, когда захочешь; ведь главное для счастливой жизни — безмятежность, наслаждаться которой душа не может, если она как бы мучается родами одна за многих⁸⁴.

(46) Другие, как говорят, в утверждениях своих еще менее достойны человека (этого положения я только что вкратце коснулся): по их словам, дружеских отношений надо добиваться ради защиты и помощи, а не из доброжелательности и приязни; поэтому чем меньше твердости духа в человеке и чем у него меньше сил, тем в большей мере домогается он дружеских отношений; ввиду этого слабые женщины ищут защиты в дружеских отношениях больше, чем мужчины; бедные — больше, чем богатые; несчастные — больше, чем те, кого считают счастливыми.

(47) О превосходная мудрость!⁸⁵ Солнце, думается мне, удаляют из мира те, кто дружбу удаляет из жизни; ведь ничего лучшего, ничего более приятного, чем дружба, мы от бессмертных богов не получали. В чем, собственно говоря, заключается пресловутая безмятежность, как будто приятная, но в действительности, по многим причинам, заслуживающая осуждения? Ведь не подобает человеку, во избежание беспокойств, ни отказываться от какого-нибудь нравственно-прекрасного дела или поступка, ни, взяв его на себя, от него отказаться. Ибо если мы бежим от заботы, то мы должны бежать от доблести, которая, неминуемо сопровождаясь некоторой заботой, презирает и ненавидит все себе противоположное, как доброта — злонамеренность, как воздержанность — разврат, как малодушие — храбрость. Вот и видишь, что несправедливости более всего огорчают справедливых людей, трусость — храбрых, подлость — честных. Следовательно, благородной душе свойственно радоваться добру и страдать от зла. (48) Поэтому если мудрый испытывает душевную боль, — а он действительно испытывает ее, если только мы не думаем, что из его души вырвано все человеческое, — то зачем полностью устранять из жизни дружбу лишь для того, чтобы она не причиняла нам кое-каких тягот? И в самом деле, если подавлять всякое движение души, то какое будет различие, уже не говорю — между животным и человеком, но между человеком и пнем, или камнем, или любым предметом такого же рода?⁸⁶ Ведь не надо слушать тех, кто хочет, чтобы доблестное сердце было жестоким и как бы железным⁸⁷; наоборот, как во многих случаях, так и в дружбе оно нежно и податливо, так что при счастье друга оно, так сказать, расширяется, а при его несчастье сжимается. Поэтому та тревога, какую часто испытываешь за друга, не бывает столь сильна, чтобы устранить из жизни дружбу, — не более сильна, чем опасения, способные заставить нас отказываться от доблестей, потому что они приносят нам кое-какие заботы и неприятности.

(XIV) Но человек завязывает дружбу, как я говорил выше, если ему начинает светить какой-то намек на доблесть, с которой сблизается и сродняется подобная ей душа; всякий раз, как это случается, привязанность возникает непременно.

(49) И право, что может быть более нелепым, чем услаждаться многими пустыми вещами, как почет, как слава⁸⁸, как красивые здания, как одежда и уход за телом, а душой, наделенной доблестью, душой, которая способна и любить, и, так сказать, воздавать взаимностью, не услаждаться больше, чем всем другим? Ведь нет ничего более приятного, чем награда за благожелательность, чем взаимность стремлений и услуг. (50) Далее; если прибавить, — а это можно прибавить с полным на это основанием, — что ничто не привлекает, не притягивает к себе с такой силой, с какой сходство склоняет к дружбе, то мы, конечно, согласимся с правильностью положения, что честные люди любят честных и привязываются к ним, близким им как бы по сродству и по природе. Ведь ничто так не стремится к подобному себе и не привлекает его к себе сильнее, чем это делает природа. По этой причине, Фанний и Сцевола, я и думаю, что между честными людьми как бы неминуемо возникает доброжелательность, источник дружбы, созданный природой. Но эти же добрые чувства могут относиться и к множеству людей. Ведь доблесть не бесчеловечна, не отказывается служить людям, не горда — та доблесть, которая обыкновенно защищает целые народы и о них ревностно заботится; она, конечно, не поступала бы так, будь ей чужда любовь к народу.

(51) Более того, мне лично кажется, что люди, основывающие дружеские отношения на пользе⁸⁹, уничтожают приятнейшие узы дружбы. Ведь нас услаждает не столько польза, полученная при посредстве друга, сколько самая привязанность друга, и то, что для нас сделал друг, приятно тогда, когда он сделал это из расположения к нам. И мы настолько далеки от того, чтобы поддерживать дружеские отношения по причине своей нужды в помощи, что люди, менее всего нуждающиеся в богатстве и средствах, а особенно в доблести другого человека, который им может оказать наибольшую защиту, — самые щедрые и самые склонные к благодеяниям. И, пожалуй, даже совсем не надо, чтобы друзья никогда и ни в чем не

испытывали недостатка. И в самом деле, в чем проявилась бы моя преданность, если бы Сципион никогда не нуждался в моем содействии — ни во времена мира, ни в походах? Итак, не польза привела к дружбе, а дружба — к пользе.

(XV, 52) Итак, не надо слушать людей, пресыщенных удовольствиями⁹⁰, если они когда-нибудь станут рассуждать о дружбе, которой они не познали ни на деле, ни в мыслях. Да найдется ли — привожу богов и людей в свидетели! — человек, который хотел бы быть окружен всяческими сокровищами и жить в полном изобилии и при этом никого не любить и самому не быть любимым никем? Такова, несомненно, жизнь тираннов⁹¹, в которой невозможны ни верность, ни привязанность, ни уверенность в прочной доброжелательности; в ней все всегда вызывает подозрения и тревогу⁹²; места для дружбы нет. (53) И действительно, кто будет любить человека, которого он боится, или человека, который, по его мнению, боится его? Правда, к тираннам проявляют хотя бы притворное уважение, но только временно. Если же они, как бывает в большинстве случаев, оказываются низложенными, вот тогда и становится ясным, как мало у них было друзей. Находясь в изгнании, Тарквиний будто бы сказал, что он только тогда понял, кто был ему верным другом и кто неверным, когда он уже не мог воздать ни одним, ни другим.

(54) Впрочем, меня удивляет, как у него, при его гордости и надменности, вообще могли быть друзья. И как его нрав не мог привлечь к нему истинных друзей, так богатства многих могущественных людей исключают возможность верности в дружбе. Ведь Фортуна не только слепа сама⁹³, но и в большинстве случаев ослепляет своих баловней; поэтому они, можно сказать, не знают границ в своей гордости и своенравии, и более несносного человека, чем неразумный богач, быть не может. Очевидно также и то, что люди, ранее бывшие обходительными, меняются, достигнув империя⁹⁴, власти и удачи; они пренебрегают старыми дружескими связями и благоволят к новым.

(55) И что может быть более бессмысленным, чем, обладая богатствами, средствами, влиянием, приобретать все то, что приобретается за деньги, — лошадей, слуг, великолепные одежды, драгоценные сосуды⁹⁵, но не приобретать друзей, наилучшего и прекраснейшего, так сказать, украшения жизни? И в самом деле, приобретая все остальное, люди не знают, ни для кого они все это приобретают, ни для кого трудятся; ведь все это достанется более сильному, а дружба остается постоянным и надежным достоянием каждого; таким образом, даже если сохранятся другие блага, представляющие собой как бы дары Фортуны, все-таки жизнь, необлагороженная и оставшаяся без друзей, приятной быть не может. Но об этом достаточно.

(XVI, 56) Теперь нам надо установить, какие пределы и как бы границы следует соблюдать в дружбе. О них, как мне известно, было высказано три различных мнения⁹⁶, ни одного из них я не одобряю. Одно — что мы должны относиться к другу так же, как к себе самому; другое — что наша доброжелательность к друзьям должна быть равна их доброжелательности к нам и ей соответствовать; третье — что сколь высоко человек ставит себя сам, столь же высоко его ставят друзья. (57) Ни к одному из этих трех мнений вполне присоединиться я не могу. Первое — что каждый должен относиться к другу так, как относится к себе, — неверно. Как много мы ради друзей делаем такого, чего никогда не сделали бы ради себя! Просить за них человека недостойного, умолять его⁹⁷ или резко нападать на кого-нибудь и с жаром его преследовать⁹⁸ — все это недостаточно прекрасно в нравственном отношении, когда касается нас самих, но становится прекраснейшим, когда касается друзей, и часты случаи, когда честные мужи поступаются и соглашались поступиться многими преимуществами, чтобы ими воспользовались их друзья, а не они сами.

(58) Второе мнение определяет дружбу по равенству оказываемых услуг и добрых намерений. Это значит чересчур точно и мелочно расчислять дружбу^{98a}, чтобы сравнялся счет

полученного и данного. Более богата и щедра, думается мне, истинная дружба; она не соблюдает старого правила не давать больше, чем получила сама; ведь не надо опасаться что-нибудь потерять, что-нибудь выронить на землю, сделать для друга что бы то ни было сверх положенного по справедливости.

(59) Третье ограничение — наихудшее: сколь высоко человек ценит себя сам, столь же высоко его ценят друзья. Ведь некоторые люди часто либо падают духом, либо теряют надежду на успех. Так вот, долг друга — не смотреть на друга так, как тот смотрит на себя сам, но приложить все старания к тому, чтобы ободрить друга, павшего духом, и внушить ему добрые надежды и мысли⁹⁹. Итак, для истинной дружбы надо установить другую границу; но сначала я назову то, что Сципион обыкновенно порицал особенно сильно. Он утверждал, что нет высказывания, более враждебного дружбе, чем следующее: "Любить надо, памятуя, что рано или поздно можешь возненавидеть", — и что он не может поверить, чтобы эти слова, как полагают, мог высказать Биант, которого считали одним из семи мудрецов¹⁰⁰; он считал это высказыванием какого-нибудь негодяя, или честолобца, или человека, стремящегося все захватить в свою власть. И в самом деле, каким образом человек сможет быть другом тому, кому он, по своему собственному мнению, сможет стать недругом? Более того, он непременно будет желать, чтобы его друг возможно чаще совершал проступки и тем самым давал ему возможно больше поводов для порицания; напротив, из-за честных поступков и успехов друзей ему непременно придется огорчаться, страдать и им завидовать. (60) Таким образом, суждение это, от кого бы оно ни исходило, способно уничтожить дружбу. Скорее надо было посоветовать нам, чтобы мы, приобретая друзей, остерегались когда-либо полюбить такого человека, которого мы рано или поздно могли бы возненавидеть. Более того, если бы мы оказались несчастливы в выборе друга, то, по мнению Сципиона, это скорее следовало бы терпеть, чем заранее думать о времени, когда отношения станут враждебными.

(XVII, 61) Итак, вот в каких границах советую я держаться: и чтобы нравы друзей были безупречны¹⁰¹, и чтобы между друзьями была полная, без каких бы то ни было исключений, общность во всех делах, в помыслах и желаниях; более того, если бы случайно, по воле судьбы, пришлось помочь друзьям в их не совсем справедливых желаниях, — когда дело коснулось бы их гражданских прав или их доброго имени, — то чтобы мы сочли возможным отклониться от прямого пути, только бы это не повлекло за собою величайшего позора для нас¹⁰²; ведь до некоторых пределов оказать снисхождение в дружбе можно. Но нельзя пренебрегать своим добрым именем, и немаловажным оружием надо считать доброжелательность граждан, приобретать которую лестью и угодливостью позорно; но доблесть, которая приносит нам всеобщее расположение, отнюдь не надо отвергать.

(62) Но Сципион — ведь я часто возвращаюсь к нему, так как он постоянно говорил с нами о дружбе, — сетовал на то, что люди, по его мнению, во всех прочих делах проявляют больше внимания, чем при выборе друзей: сколько у него коз и овец, может сказать каждый, а вот сколько у него друзей, он сказать не может; приобретая коз и овец, люди проявляют заботу, а при выборе друзей небрежны¹⁰³ и упускают из виду, так сказать, признаки и приметы, по которым можно было бы судить о том, насколько тот или иной человек подходит для дружеских отношений. Итак, надо выбирать людей верных, надежных и стойких; таких людей очень мало. О них трудно судить, пока их не испытаешь; но испытывать их приходится, уже находясь в дружеских отношениях с ними. Таким образом, дружба предшествует суждению и устраняет возможность испытания.

(63) Итак, дальновидный человек должен сдерживать свой порыв доброжелательности, как сдерживают бег колесницы; и подобно тому, как люди пользуются обьеженными конями¹⁰⁴, так должен он проявлять свою дружбу после того, как с той или иной стороны будет испытан характер друзей. Часто, когда дело идет даже о малых деньгах, обнаруживается, сколь

ненадежны некоторые люди; однако цену другим, которых малые деньги совратить не смогли, мы узнаем, когда дело идет о больших. Но если и найдутся люди, в чьих глазах предпочесть деньги дружбе — подлость, то где найдем мы таких, которые выше дружбы не поставят почестей, магистратур, империя, власти, влияния, так что они, когда перед ними, с одной стороны, будет все упомянутое, а с другой — долг дружбы, решительно не предпочтут всего названного мною? Ведь чересчур слаба природа наша, чтобы пренебречь могуществом. И даже если человек достиг его, презрев дружбу, то он думает, что его проступок забудется, так как он презрел дружбу не без важных на то оснований.

(64) Поэтому истинного друга так трудно обрести среди тех, кто занимает магистратуры в государстве: где найдешь ты человека, который предпочел бы почет, выпадающий на долю друга, своему собственному? А если оставить это в стороне, то каким тяжким, каким трудным кажется большинству людей разделить бедствия другого! Хотя Энний и правильно сказал¹⁰⁵:

Друг верный лишь в неверном деле виден, —

все-таки вот какие два обстоятельства уличают большинство людей в ненадежности и слабости: если они в благоденствии друзьями пренебрегают, а в беде их покидают. Итак, человека, который в обоих случаях окажется твердым, постоянным, стойким в дружбе, мы должны признать принадлежащим к необычайно редкой и едва ли не божественной породе людей. (XVIII, 65) Основание стойкости и постоянства, которых мы ищем в дружбе, — верность; ведь неверное не может быть стойким. Кроме того, надо выбирать своими друзьями людей открытых, общительных и способных к сочувствию, то есть таких, которых волнует то же, что и тебя. Все это способствует верности; ведь переменчивый и изворотливый ум быть верным не может, да и человек, которого не волнует то же, что и тебя, и чей характер не похож на твой, не может быть ни верным, ни стойким. Надо еще прибавить, что этот человек не должен ни находить удовольствие в том, чтобы обвинять другого¹⁰⁶, ни верить выдвинутым обвинениям. Все это имеет отношение к стойкости, о которой я уже долго говорю. Так подтверждается сказанное мною вначале — что дружба возможна только между честными людьми. Ведь честному человеку, которого в то же время можно называть мудрым, свойственно соблюдать в дружбе вот какие два правила: во-первых, избегать всего поддельного и притворного; благородному человеку более пристало даже ненавидеть, чем выражением лица скрывать свое мнение; во-вторых, не только отвергать обвинения, кем-то выдвинутые, но также и самому не быть подозрительным, всегда предполагая, что его друг совершил какой-то проступок. (66) И к этому присоединяется, так сказать, приветливость в беседе и характере¹⁰⁷, далеко не малая приправа к дружбе. Напротив, сосредоточенность и всегдашняя суровость, правда, придает людям вес, но дружба должна быть более непринужденной, более свободной, более мягкой и более склонной ко всяческой ласковости и доступности.¹⁰⁸

(XIX, 67) Здесь возникает один довольно трудный вопрос: следует ли новых друзей, достойных нашей дружбы, порою предпочитать старым — подобно тому, как мы предпочитаем молодых коней одряхлевшим? Сомнение, недостойное человека! Ведь в дружеских отношениях не должно быть пресыщения, какое бывает в других случаях: самая старая дружба подобно винам, хорошо переносящим долгое хранение, должна быть наиболее улаждающей. И справедливо говорится, что надо съесть вместе много модиев соли¹⁰⁹, дабы долг дружбы оказался исполненным. (68) Что касается новых дружеских связей, то — если они позволяют надеяться, что их плод когда-нибудь появится, как это бывает на растениях, не обманывающих наших ожиданий, — их отнюдь не следует отвергать, но давние надо сохранять; огромна ведь сила давности и привычки. Более того, когда дело даже идет о коне, о котором я только что говорил, то, если этому ничто не препятствует, на коня, к которому мы привыкли, мы садимся охотнее, чем на необъезженного и нового. И привычка имеет значение

не только по отношению к живому существу, но и по отношению к неодушевленным предметам, так как нас радует и местность, даже гористая и лесистая¹¹⁰, если мы прожили в ней долго.

(69) Но самое важное — в дружбе быть на равной ноге с нижестоящим. Ведь часто встречаются люди выдающиеся, каким в нашем, я бы сказал, "стаде" был Сципион. И вот, он никогда не ставил себя ни выше Фила, ни выше Рупилия, ни выше Муммия¹¹¹, ни выше друзей, более скромных по положению. Что касается его брата Квинта Максима¹¹², мужа, несомненно, выдающегося, но ему далеко не равного, то Сципион почитал его как вышестоящего, так как тот был старше. Сципион хотел, чтобы его близкие благодаря ему могли занимать более высокое положение.

(70) Вот что все должны делать и вот чему подражать: если они достигли какого-то превосходства в доблести, в уме, в богатстве, то они должны делиться этим с родными, приобщать к этому своих близких; например, если их родители — люди скромного положения, если их родственники — люди недалекие или малосостоятельные, то надо увеличивать их достаток, содействовать их избранию на магистратуры и достижению ими высокого положения. Например, в сказаниях люди, которые некоторое время были в рабстве, так как их предки и происхождение не были известны, а после того, как их узнавали и они оказывались сыновьями богов или царей, все-таки сохраняли привязанность к пастухам, которых они в течение многих лет считали своими отцами. Это, конечно, во много большей мере надо делать по отношению к действительным и истинным отцам. Ведь плоды ума, доблести и всяческого превосходства получаешь в наибольшей мере тогда, когда приобщаешь к этим благам всех своих самых близких людей.

(XX, 71) Следовательно, как люди, в тесных отношениях дружбы и родства занимающие более высокое положение, должны равняться по людям нижестоящим, так эти последние не должны страдать от того, что их близкие превосходят их умом, или богатством, или высоким положением. Большинство же таких людей высказывает всегда либо какие-то жалобы, либо даже упреки, особенно если они могут похвалиться тем, что совершили нечто во исполнение своего долга, дружески и с затратой труда. Право, достойная ненависти порода людей, упрекающих за оказанные ими услуги! Эти услуги должен помнить тот, кому они были оказаны, и о них не должен напоминать тот, кто их оказал¹¹³.

(72) Поэтому как люди, занимающие более высокое положение, в дружбе должны снисходить, так они должны каким-то образом возвышать людей, занимающих более низкое положение. Ведь находятся люди, делающие дружеские отношения тягостными, так как думают, что ими пренебрегают; правда, это случается только с теми, кто сам считает себя действительно заслуживающим пренебрежения; их надо отвлекать от таких мыслей не только словами, но и поступками.

(73) Для каждого надо делать столько, сколько, во-первых, ты сам можешь выполнить; во-вторых, сколько тот, кого ты любишь и кому помогаешь, может взять на себя. Ведь какое бы высокое положение ты ни занимал, ты не можешь довести всех своих близких до высших магистратур; так, Сципион смог добиться избрания в консулы Публия Рупилия; для брата его Луция он сделать это не смог¹¹⁴. Даже если ты и можешь добиться для другого всего, что угодно, все-таки надо принимать во внимание, что именно может он взять на себя.

(74) Вообще говоря, о дружеских отношениях надо судить уже сложившимся и созревшим умом и в зрелом возрасте, и если мы в юности увлекались охотой и игрой в мяч¹¹⁵, то нет надобности считать тесно с нами связанными тех, кого мы тогда любили, так как у них было такое же увлечение. Ведь на этом основании кормилицы и педагоги¹¹⁶ будут, по праву

давности, требовать наибольшего расположения к себе; к ним, конечно, нельзя относиться с пренебрежением, но их надо ценить как-то по-иному. Без этого дружеские отношения оставаться прочными не могут. Ведь различия в характере приводят к различиям в стремлениях¹¹⁷, несходство которых нарушает дружеские отношения, и единственная причина, почему честные люди не могут быть друзьями дурным, а дурные — честным, заключается в различии их характеров и стремлений, столь значительном, насколько это возможно.

(75) Уместно и посоветовать, чтобы в дружеских отношениях, так сказать, неумеренная благожелательность (это бывает весьма часто) не препятствовала другу достигнуть больших успехов. Так, например, Неоптолем (обратимся снова к сказаниям) не смог бы взять Трою, если бы согласился выслушать советы своего воспитателя Ликомеда, который, со слезами на глазах, пытался помешать его отъезду¹¹⁸. Часто неожиданно возникают важные обстоятельства, заставляющие покидать друзей. Тот, кто хочет воспротивиться этим обстоятельствам, так как ему будет нелегко переносить разлуку, сам малодушен и слаб характером и именно по этой причине несправедлив в дружбе. (76) Итак, во всех случаях надо принимать во внимание и то, чего сам ты требуешь от друга, и то, что ты ему позволяешь требовать от тебя.

(XXI) Иногда происходит и, так сказать, неизбежное несчастье отказываться от дружеских связей (теперь от близости между мудрыми людьми речь наша скатывается к обыденным дружеским отношениям). Пороки друзей часто наносят ущерб то самим их друзьям, то сторонним людям, но дурная слава об этих поступках все же падает на их друзей. Следовательно, такие дружеские отношения надо постепенно прекращать и, как в моем присутствии сказал Катон¹¹⁹, их скорее распарывать, а не рассекать; разве только неожиданно будет совершено какое-нибудь вопиющее противозаконие, так что не пойти на немедленный отказ от дружбы и на разрыв было бы и неправильно, и дурно в нравственном отношении, да и невозможно.

(77) Но если, как это бывает, изменятся либо нравы, либо стремления людей или же между ними возникнут разногласия насчет положения в государстве (ведь теперь, как я только что указал, я говорю не о дружбе между мудрыми, а о дружбе между рядовыми людьми), то надо будет остерегаться, как бы, уже не говорю — не была разорвана дружба, но как бы не возникло вражды. Нет ведь ничего более позорного, чем вести войну с человеком, с которым ты ранее жил в дружбе. Как вы знаете, Сципион из-за меня некогда отказался от дружбы с Квинтом Помпеем¹²⁰, а из-за разногласий в государстве отвернулся от нашего коллеги Метелла¹²¹; в обоих случаях он поступил с полным сознанием своей ответственности и без особенного огорчения.

(78) Вот почему прежде всего надо прилагать старания к тому, чтобы между друзьями не возникало ссор; но если что-либо подобное и произойдет, то к тому, чтобы дружеские отношения казались скорее угасшими, а не растоптанными. Но надо особенно остерегаться и того, чтобы дружеские отношения не превращались в сильную вражду; ведь на этой почве зарождаются оскорбления, злоречие, клевета. Однако если все это будет еще терпимо, то надо будет переносить это во имя прежней дружбы, так чтобы был виноват наносящий оскорбления, а не терпящий их. Вообще охранить себя от всех этих дурных последствий и неприятностей и предотвратить их возможно лишь одним путем: не начинать чересчур быстро дарить свое расположение, и притом людям недостойным.

(79) Достойны дружбы люди, которым присуще то, за что их можно любить. Они встречаются редко; впрочем, все прекрасное редко, а самое трудное — найти что-нибудь такое, что было бы во всех отношениях совершенным в своем роде. Но большинство людей не

видит в делах человеческих ничего хорошего, кроме того, что им выгодно, а друзей, как и домашних животных, они особенно любят тех, из которых надеются извлекать наибольшую пользу.

(80) Таким образом, они бывают лишены прекраснейшей и наиболее естественной дружбы, которой люди ищут ради нее самой и по причине ее самой, и не постигают на своем собственном опыте, в чем сущность и ценность этой дружбы. Ведь каждый любит сам себя, и не для того, чтобы самому извлекать какую-нибудь пользу из своей любви к самому себе, но так как каждый сам себе дорог. Если такое же отношение не будет переноситься на дружбу, то истинного друга не найти никогда; ведь истинный друг — как бы "второе я"¹²². (81) Это проявляется у зверей, у пернатых, у рыб, у диких и прирученных животных, у хищников: во-первых, они любят себя (ведь это чувство зарождается одновременно с появлением каждого, одушевленного существа); во-вторых, они всячески стремятся к животным той же породы, чтобы соединиться с ними; они делают это с естественным побуждением и с каким-то подобием человеческой любви. Но насколько естественнее чувство это у человека, который и сам любит себя, и ищет другого человека, чью душу он настолько сливает со своей, что делает как бы из двух душ одну!¹²³

(XXII, 82) Но большая часть людей поступает неправильно (чтобы не сказать — бессовестно): они хотят иметь таких друзей, какими сами они быть не могут, и требуют от друзей того, чего сами им не дают. Между тем справедливо, чтобы ты сначала сам был честным человеком, а уже потом искал другого, подобного тебе. Между такими людьми и может укрепиться та прочная дружба, о которой мы говорим все это время, — когда люди, объединенные благожелательностью, сначала преодолевают страсти, которым служат другие, а затем с радостью устанавливают между собой равенство и справедливость, причем один все берет на себя ради другого и никогда не требует от другого ничего, кроме нравственно-прекрасного и справедливого, и они не только почитают и любят, но и уважают друг друга. Ведь наибольшего украшения лишает дружбу тот, кто из нее устраняет уважение.

(83) Поэтому пагубному заблуждению поддаются те, кто думает, что в дружбе широко открыт путь к разврату и всяческим проступкам; дружба дана нам природой как помощница в доблестях, а не как спутница в пороках, дабы доблесть, так как она, будучи одинока, не может достигнуть своей высшей задачи, достигала ее, объединившись с дружбой. Если такой союз между несколькими людьми либо существует, либо существовал, либо будет существовать, то их содружество надо признать самым лучшим и самым счастливым на пути к высшему благу природы. (84) Таков, повторяю, этот союз, которому присуще все то, чего люди находят нужным добиваться: нравственная красота, слава, душевный покой и радость, так что, когда все это налицо, жизнь наша счастлива, а без этого быть счастливой не может. И так как это — наилучшее и наибольшее благо, то, если мы хотим его достигнуть, мы должны упражняться в доблести, без которой нам не достигнуть ни дружбы, ни какого бы то ни было другого предмета своих стремлений; презрев доблесть, люди, думающие, что у них есть друзья, убеждаются в своем заблуждении лишь тогда, когда какое-нибудь их несчастье будет испытанием для этих друзей.

(85) Поэтому (ведь говорить это надо почаще) нужно себе составить мнение о человеке, прежде чем его полюбить, а не полюбить его до того, как составишь себе мнение о нем. Но как во многих других случаях мы платимся за свою неосторожность, так более всего в выборе друзей и в своей привязанности к ним. Мы задним умом крепки и "делаем то, что уже сделано", как говорит старинная поговорка¹²⁴. Ведь мы, взаимно связанные с этими людьми как повседневным общением, так и услугами, на середине пути, из-за какой-нибудь неприятности, неожиданно разрываем дружеские отношения.

(XXIII, 86) Тем большего порицания заслуживает столь беззаботное отношение к делу чрезвычайно важному. Ведь одну только дружбу среди всех прочих отношений между людьми все в один голос восхваляют за ее полезность, хотя многие самой этой доблестью пренебрегают и называют ее в какой-то мере показной и притворной. Ведь богатства презирают многие; это — те, кто довольствуется малым и кого радуют скудная пища и суровый образ жизни. Что касается магистратур, жаждой которых кое-кто воспламеняется, то как много людей их презирает, полагая, что нет ничего более пустого, ничего менее надежного! Также и остальное, что кое-кому кажется восхитительным, очень многие не ставят ни во что. Что касается дружбы, то решительно все — и те, кто себя посвятил государственной деятельности, и те, кого улаждают познание и наука, и те, кто на досуге занимается своими делами¹²⁵, наконец, те, кто всецело предался наслаждениям, — одного и того же мнения: без дружбы не существует жизни, конечно, если люди хотят жить достойно¹²⁶.

(87) Ибо дружба неведомым образом проникает в жизнь всех людей и ни одному поколению не позволяет обходиться без нее. Более того, если бы кто-нибудь отличался таким суровым и диким нравом, что избегал бы общения с людьми и ненавидел его, — таков, по преданию, в Афинах был некий Тимон¹²⁷, — то такой человек все-таки не утерпел бы, чтобы не поискать кого-нибудь, перед кем он мог бы извергнуть яд своего озлобления. И мы оценили бы это лучше всего в том случае, если бы могло произойти так, чтобы какое-нибудь божество удалило нас из общества людей и поместило где-нибудь в пустыне и там, снабжая нас в полном изобилии всем тем, чего требует природа, лишило нас всякой возможности видеть человека. Кто обладал бы таким каменным сердцем, что смог бы перенести подобную жизнь, и у кого одиночество не отняло бы способности испытывать какие бы то ни было наслаждения?

(88) Поэтому справедливо то, что — если не ошибаюсь — говаривал Архит Тарентский¹²⁸; я слышал это от наших стариков, которые, в свою очередь, слышали это от других стариков: "Если бы кто-нибудь поднялся на небеса и обозрел устройство вселенной и великолепие светил, то это изумительное зрелище¹²⁹ его бы не очаровало; оно было бы гораздо приятнее ему, если бы нашелся человек, которому он мог бы рассказать об этом". Так природа не любит полного одиночества и всегда ищет какой-нибудь опоры. И именно это — самое приятное в каждом близком друге.

(XXIV) Но хотя все та же природа столькими знаками дает нам понять, чего она хочет, ищет, жаждет, мы все-таки почему-то становимся туги на ухо и уже не слышим ее предостережений. Ведь различны и многообразны отношения между друзьями, и в них возникает много поводов для подозрений и обид; в одних случаях их избегать, в других не придавать им значения, в третьих их переносить — вот что свойственно мудрому человеку; порой надо и стерпеть обиду, дабы сохранить в дружбе пользу и веру. Ибо друзей часто приходится и наставлять, и порицать, и все это надо принимать по-дружески, когда это делается доброжелательно¹³⁰.

(89) Но почему-то справедливо то, что в "Девушке с Андроса" говорит мой друг¹³¹:

...друзей

Уступчивость родит, а правда — ненависть.

Правда тяжела, так как она порождает ненависть, которая отравляет дружбу; но уступчивость гораздо тяжелее, так как она, потворствуя проступкам, позволяет другу нестись к пропасти. Величайшая вина, однако, тяготеет на том, кто презирает правду и кого уступчивость толкает на обман. Во всем этом, следовательно, нужны разумность и внимательность — прежде всего чтобы предостережения не были суровы, а затем чтобы порицания не были оскорбительны; но в "уступчивости", — так как я охотно повторяю слова

Теренция, — пусть чувствуется приветливость: лесть же, пособница пороков, да будет изгнана, она, которая недостойна, уже не говорю — друга, но вообще свободного человека¹³². Ведь одно дело — жить под властью тиранна, другое — в общении с другом.

(90) Что касается человека, чьи уши закрыты для правды, так что он не может слышать правду от друга, то спасти его безнадежно. Хорошо известны и следующие слова Катона (как и многие другие): "Суровые недруги оказывают некоторым людям услуги большие, чем те, какие оказывают друзья, которые кажутся нам мягкими; первые говорят правду часто, вторые — никогда". При этом, вопреки здравому смыслу, предостерегаемые не испытывают неудовольствия, какое должны были бы испытывать, а испытывают такое, от которого они должны были быть свободны; ибо о проступке своем они не сожалеют, но порицание за него им в тягость; уместным было бы противоположное: по поводу вины своей печалиться, поучению радоваться.

(XXV, 91) И вот, как истинной дружбе свойственно и предостерегать, и слышать предостережения, чтобы при этом один высказывал их откровенно, но не сурово, а другой терпеливо и без строптивости их принимал, так самой сильной пагубой в дружеских отношениях надо считать лесть, слащавость, поддакивание; впрочем, есть много названий, какими можно заклеить этот порок ничтожных и лживых людей, говорящих все что угодно, чтобы доставить удовольствие, и ничего — чтобы сказать правду. (92) Если притворство порочно всегда (ведь оно делает невозможным правдивое суждение и его извращает), то дружбе оно препятствует более всего: оно уничтожает правдивость, без которой название "дружба" не может иметь силы. Ибо если смысл дружбы в том, чтобы многие души как бы сливались в одну, то как это станет возможным, если даже в одном человеке не будет души единой и всегда одной и той же, но она будет разной, переменчивой, многообразной? (93) И право, что может быть столь непостоянным, столь уклончивым, как душа человека, повинующегося, уже не говорю — чувству и воле другого, но даже выражению его лица и его кивку?

"Да" — и я "да"; "нет" — и я "нет". Взял себе за правило
То в конце концов я, чтоб им во всем поддакивать, —

как говорит все тот же Теренций, но от лица Гнафона¹³³. Приобретать себе друзей в таком роде, право, свойственно только пустым людям. (94) Есть много людей, подобных Гнафону, хотя они и выше, чем он, по своему происхождению, богатству и положению; их поддакивание неприятно, всякий раз как к их суетности присоединяется авторитет.

(95) Отличить льстивого друга от истинного и раскусить его возможно, приложив к этому внимание, так же, как отличить все напускное и притворное от искреннего и правдивого. Народная сходка, состоящая из совершенно неискушенных людей, все-таки обыкновенно оценивает различие между популяром, то есть склонным к поддакиванию и ничтожным гражданином¹³⁴, и стойким, суровым и строгим. (96) Какой только лести не вливал недавно Гай Папирий в уши народной сходке, предлагая закон о переизбрании плебейских трибунов!¹³⁵ Я высказался против его предложения. Но о себе говорить не буду; лучше скажу о Сципионе. Как велика — бессмертные боги! — была его строгость, каково было его величие, когда он произносил речь! Его вполне можно было бы назвать вождем римского народа, а не его спутником. Вы ведь присутствовали при этом, и речь его в руках у всех. И вот, угодный народу закон был отвергнут голосованием народа. Далее, — вернусь к себе, — вы помните, каким угодным народу в год консулата Квинта Максима, брата Сципиона, и Луция Манцина¹³⁶ казался закон Гая Лициния Красса о жречествах¹³⁷. Ведь кооптация в коллегии передавалась в ведение народа. К тому же Красс первым начал обращаться к народу, говоря на форуме¹³⁸. И все-таки его льстивую речь легко победил страх перед бессмертными богами, защитником

которых был я. И это произошло в год моей претуры, за пять лет до моего избрания в консулы; так спор был разрешен скорее самим существом дела, а не высшим авторитетом оратора.

(XXVI, 97) И если на сцене, то есть на народной сходке, на которой для вымыслов и намеков очень много места, все-таки обладает силой правда, если она раскрыта и выявлена, то что же должно происходить в дружеских отношениях, которые всецело взвешиваются на весах правды, в дружбе, в которой, — если ты, как говорится, не увидишь открытого сердца¹³⁹ и не покажешь другу своего сердца, — не будет ничего верного, ничего испытанного, причем даже в вопросе, любишь ли ты и любят ли тебя, не будешь знать, насколько это искренно? Впрочем, поддакивание само по себе, хотя и пагубно, повредить все-таки никому не может, разве только тому, кто его принимает и им услаждается. Таким образом, к речам поддакивающих людей более всего преклоняет свой слух тот, кто поддакивает себе сам и более всего сам этим услаждается. (98) Доблесть, вообще говоря, любит сама себя; ведь она превосходно знает себя и понимает, сколь она достойна любви. Впрочем, я теперь говорю не о доблести, а о воображаемой доблести. Ведь быть наделенными доблестью желает меньшее число людей, чем число тех, кто желает доблестным казаться. Вот этих людей и услаждает поддакивание; вот они, слыша слова, придуманные в соответствии с их желанием, считают эти пустые речи свидетельством их заслуг. Следовательно, это вовсе не дружба, когда один не хочет слышать правды, а другой готов лгать. Поддакивание Параситов в комедиях не казалось бы нам остроумным, не будь на свете хвастливых воинов¹⁴⁰:

Ну что, Фаида очень благодарна мне?

Было бы достаточно ответить: "Очень"; он отвечает: "Безмерно". Склонный к поддакиванию все всегда преувеличивает в угоду своему слушателю.

(99) Поэтому, хотя эта ласковая льстивость имеет успех особенно у тех людей, которые сами на нее напрашиваются и ее вызывают, даже людям более строгих взглядов и более стойким все же надо советовать быть настороже, дабы не поддаться на это хитрое поддакивание. Ведь открытого льстеца видит каждый, за исключением разве только круглых глупцов; что касается хитрого и скрытного, то надо всячески остерегаться его и не давать ему втереться к нам в доверие. Ведь узнать его вовсе не легко: он, даже противореча нам, часто поддакивает и лебезит в притворном споре, а под конец сдается и признает себя побежденным, — дабы тому, над кем он издевался, показалось, что сам он был более дальновиден. Но что может быть более позорным, чем позволить издеваться над собой? Надо всячески стараться, чтобы этого не случилось.

Меня ты нынче, закрутив, надула тоньше,
Чем всех преглупых старичков в комедиях¹⁴¹.

(100) Ведь даже в комедиях это глупейшая роль — недалеких и легковверных стариков. Но каким-то образом речь моя от дружеских отношений между совершенными, то есть мудрыми, людьми (я говорю именно о той мудрости, которая, по-видимому, может стать уделом человека) отклонилась к вопросу о пустых дружеских отношениях. Поэтому возвратимся к первым и на них закончим.

(XXVII) Доблесть, повторяю, доблесть, Гай Фанний и Квинт Муций, и создает, и оберегает дружеские отношения. На ней ведь основано согласие, на ней — стойкость, на ней — постоянство; всякий раз, как она проявляется и проливает свой свет и то же самое видит и узнает в другом человеке, она с ним сближается и, в свою очередь, воспринимает то, что свойственно другому; так разгорается приязнь или дружба (ведь оба эти слова произошли от слова "любить"¹⁴²); но "любить" означает не что иное, как быть расположенным именно к

тому, кого любишь, ни в чем не испытывая нужды, не добиваясь никакой пользы для себя; последняя сама расцветает из дружбы, даже если ты не искал ее.

(101) С такой благожелательностью мы в молодости почитали стариков — Луция Павла, Марка Катона, Гая Гала, Публия Насику¹⁴³, Тиберия Гракха¹⁴⁴, тестя нашего Сципиона; она еще ярче светит среди ровесников, например в отношениях между мною и Сципионом, Луцием Фурием, Публием Рупилием, Спурием Муммием. В свою очередь, мы в старости находим покой в привязанности молодых людей, например в вашей, в привязанности Квинта Туберона. Я, со своей стороны, нахожу радость в близкой дружбе с очень молодым Публием Рупилием¹⁴⁵ и с Авлом Вергинием¹⁴⁶. И так как наша жизнь и наша природа устроены так, что одно поколение сменяет другое¹⁴⁷, то более всего следует желать достигнуть, как говорится, известковой черты¹⁴⁸ вместе с теми ровесниками, с которыми ты был как бы выпущен из стойл.

(102) Но так как дела человеческие непрочны и шатки, то всегда надо искать людей, которых мы любили бы и которые любили бы нас. Ведь если уничтожить привязанность и доброжелательность, то жизнь утратит всякую привлекательность. Лично для меня Сципион, хотя его и отняли у нас безвременно, все-таки жив и будет жив всегда; ибо я любил доблесть этого мужа, а она не угасла. И не перед моим только взором стоит она, не только предо мною, который ее всегда как бы осязал, но и для потомков она будет светла и блистательна. Всякий, кто когда-то возьмет на себя, с мужеством или с надеждой, какое бы то ни было значительное дело, вызовет в своей памяти образ Сципиона.

(103) Я, со своей стороны, не обладаю ничем таким, что мог бы сравнить с дружбой Сципиона: в ней я нашел согласие в государственных делах, в ней — советы насчет своих личных дел, в ней же — отдохновение, преисполненное радости¹⁴⁹. Ни разу не обидел я его, насколько я знаю, даже каким-нибудь пустяком, и сам я никогда не услышал от него ничего неприятного. У нас был один дом, одна пища за одним и тем же столом. Не только походы, но и путешествия и жизнь в деревне были у нас общими.

(104) Надо ли мне говорить о наших неизменных стараниях всегда что-нибудь познавать и изучать, когда мы, вдалеке от взоров народа, тратили на это все свои досуги? Если бы живые воспоминания об этом исчезли вместе с ним, то я никак не смог бы перенести тоску по этому мужу, связанному со мною так тесно и так сильно любившему меня. Но они не исчезли; напротив, они усиливаются и растут благодаря моим размышлениям и воспоминаниям. А если бы я был даже полностью их лишен, то все-таки самый возраст мой служит для меня большим утешением. Ведь предаваться этой тоске очень долго я уже не смогу, а все кратковременное мы должны переносить, даже если оно тяжело.

Вот все то, что я хотел сказать вам о дружбе. А вам я советую ценить доблесть, без которой дружбы быть не может, столь высоко, чтобы, кроме нее, не ставить ничего выше дружбы.

ПРИМЕЧАНИЯ О ДРУЖБЕ

1. См. Цицерон, VIII филиппика, 31; "Об ораторе", II, 296; 281; "Брут", 102.
2. Тога — шерстяная верхняя одежда римских граждан — мужчин и детей. Кусок ткани овальной формы, который по определенным правилам обертывали вокруг тела. Курульные (старшие) магистраты носили тогу с пурпурной каймой (*toga praetexta*), как и дети. На 17-м году жизни мальчик сменял детскую тогу на белую (*toga virilis*, *t. libera*, *t. pura*). После этого

его имя вносили в списки членов трибы. Выбеленную мелом тогу (t. candida) носили лица, добивавшиеся избрания на магистратуры ("кандидаты").

3. Квинт Муций *Сцевола* — сын консула 133 г. Публия Муция Сцеволы (не смешивать с Квинтом Муцием Сцеволой "Авгуром"), плебейский трибун 106 г., консул 95 г., проконсул провинции Азии; был проскрибирован Суллой в 82 г. и убит [Кв. Муций Сцевола был убит в 82 г. по распоряжению Г. Мария-младшего (Аппиан, "Гражданские войны", I, 88). — Прим. О. Любимовой.]; автор труда о гражданском праве, учитель Цицерона. Ср. Цицерон, "Об обязанностях", III, 62.

4. *Neṃicuṣlium, exhedra* (греч.), *полукруглая комната*, примыкающая к портику дома; служила для дневного пребывания и бесед с друзьями. См. Цицерон, письмо к близким, VII, 23, 3 (916).

5. *Публий Сульпиций* — плебейский трибун 88 г., предложил закон о распределении новых граждан по всем 35 трибам; он предложил также поручить верховное командование в войне против Митридата Понтийского Гаю Марию (отняв его у Суллы). По возвращении Суллы в Рим Сульпиций был убит.

6. *Квинт Помпей Руф* — консул 88 г. вместе с Луцием Корнелием Суллой.

7. Диалог "О старости" (или "*Катон Старший*").

8. По представлению римлян, *старость* наступала в 60 лет; таким образом, старость Катона, прожившего 85 лет, продолжалась четверть века.

9. Ср. Цицерон, письмо к Аттику, XIV, 21, 3 (729).

10. ...*ты узнаешь самого себя*. — Намек на дружбу между Аттиком и Цицероном.

11. Возможно, что этот *Луций Ацилий* был правоведом и современником Катона.

12. Ср. Цицерон, "Об ораторе", III, 135; *Гораций*, Сатиры, II, 1, 65; 72.

13. *Семь мудрецов* Греции (VI-V вв.): Биант Приенский, Клеобул Критский, Хилон Спартанский, Периандр Коринфский, Питтак Митиленский, Солон Афинский, Фалес Милетский. Называли также и другие имена. Ср. Цицерон, "О государстве", I, 12; "О законах", II, 60; "Об ораторе", III, 137; "О старости", прим. 62.

14. ...*оракул Аполлона признал "мудрейшим"*. — Имеется в виду Сократ. См. *Ксенофонт*, "Апология Сократа", 14; *Аристофан*, "Облака", 144.

15. *Децим Юний Брут* — консул 138 г. Во II в. авгуры ежемесячно собирались в ноны (5-е или 7-е число месяца); во времена Цицерона этот обычай не соблюдался. Ср. Цицерон, "О природе богов", II, 11; "О предвидении", I, 90.

16. *Как он перенес смерть сына!* — Имеется в виду Марк Порций Катон Лициниан. См. "О старости", 15 и прим. 39.

17. *Я помню Павла...* — См. "О старости", прим. 150.

18. ...*видел Гала...* — См. "О старости", 49 и прим. 116.

19. Сократ, называть которого по имени Цицерон избегает.

20. ...*мудрые люди...* — Имеются в виду стоики, полагавшие, что мудрого человека судьбы человеческие не должны волновать.

21. Ср. Цицерон, "Брут", 4 сл.; "Тускуланские беседы", I, 111.

22. *Сципион Эмилиан* был консулом в 147 г., в возрасте 38 лет, и в 134 г. — По Виллиеву закону 180 г. (lex Villia annalis), магистратуры предоставлялись только после военной службы, с промежутком в три года между каждой из них: квестура — в возрасте не ниже 27 лет, эдилитет — 30, претура — 33, консулат — 36. По Корнелиеву закону 81 г. (lex Cornelia de magistratibus), квестура — не ранее 29 лет, претура (после 10-летнего промежутка) — по достижении 39, консулат — 42 лет, второй консулат — лишь через 10 лет после первого. Избрание в указанном возрасте называлось "в свой год" (suo anno). По Виллиеву закону, первый консулат Сципиона не был "*до положенного времени*". В 132 г. плебейский трибун Марк Пинарий Руска предложил закон о магистратурах; был ли он принят, нам неизвестно. Бывшего консула называли консуляром (vir consularis), бывшего претора — преторием, бывшего эдила — эдилицием, бывшего квестора — квесторием, бывшего плебейского трибуна — трибуницием, бывшего цензора — цензорием.

23. ...разрушением двух городов, враждебнейших нашей державе... — Карфаген (в 146 г.) и Нуманция (в 133 г.). Отсюда прозвания Сципиона Эмилиана (cognomina ex virtute — прозвания за подвиги) — Африканский и Нумантийский.
24. Папирия, мать Сципиона, развелась с Луцием Эмилием Павлом, и Сципион отказался в ее пользу от денег, завещанных ему его приемной бабкой, вдовой Сципиона Старшего; после смерти матери он передал эти деньги *сестрам*.
25. Имеется в виду диалог "О старости".
26. Подозревали, что *Сципион* Эмилиан был отравлен сторонниками Тиберия Гракха, против земельной реформы которого он выступал. См. *Цицерон*, "О роке", 17 сл.; письма: к брату Квинту, II, 3, 3 (102); к близким, IX, 21, 3 (496).
27. В этот день *Сципион* выступил в сенате против Гая Папирия Карбона, отстаивавшего земельный закон Тиберия Гракха. На следующий день его нашли мертвым в его постели. См. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 170; *Аппиан*, "Гражданские войны", I, 19 сл.; *Веллей Патеркул*, II, 4; *Плутарх*, "Гай Гракх", X; *Валерий Максим* VIII, 15, 4.
28. *Союзниками* (socii) назывались городские общины Италии, заключившие с Римом союзный договор (foedus), обязывавший их предоставлять Риму вспомогательные войска. Договор мог быть равным (f. aequum) или неравным (f. iniquum): в первом случае союзники юридически были суверенными, во втором признавали над собой величество римского народа (maiestas populi Romani), т.е. его власть, и теряли самостоятельность. Городские общины Лация, древнейшие союзники Рима (prisci Latini), были в особом положении: при переселении в Рим их члены пользовались всеми гражданскими правами. После восстания этих общин против Рима в 340 г. лишь немногие из них сохранили самостоятельность; их члены сохранили только право вступать в брак с римлянами (ius conubii) и право торговли с правовой защитой (ius commercii); остальные общины были превращены в муниципии, т.е. общины с ограниченными правами (civitas sine suffragio). *Союзники* и *латиняне* получили полные права римского гражданства только в 90 г., по окончании Союзнической войны, на основании Юлиева закона. — Для союзников Сципион был защитником от земельной реформы Тиберия Гракха.
29. ...как будто переселился к небожителям, а не в подземное царство. — Апофеоз Сципиона, изображаемый Лелием, связан с представлением о высокой судьбе людей с заслугами перед государством. Ср. *Цицерон*, "О природе богов", II, 62; "О государстве", VI, 25.
30. ...что смертью уничтожается все. — Имеется в виду эпикуреизм. Его распространению в Риме способствовал приезд афинского посольства в составе философов Карнеада, Критолая и Диогена Вавилонского (155 г.).
31. ...признававших за умершими столь священные права... — Имеется в виду культ манов (духи-покровители, обожествленные души умерших родичей). См. *Цицерон*, "О законах", II, 22.
32. *Великая Греция* — южная Италия с ее греческими колониями. В Кротоне Пифагор основал философскую школу. См. "О старости" прим. 172. После войн с Пирром и Тарентом многие городские общины Великой Греции утратили большую часть своих политических прав. См. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 154; III, 139; "Тускуланские беседы", IV, 2; 10.
33. Имеется в виду Сократ, как и выше, 7; 10.
34. См. *Цицерон*, "О государстве", в частности VI, 9 сл.
35. Ср. *Цицерон*, "О государстве", VI, 15; "Тускуланские беседы", I, 40 сл.; 75; 118.
36. Ср. *Цицерон*, письмо к близким, V, 16, 4 (529).
37. ...три-четыре пары друзей... — Мифологические герои: Орест и Пилад; Ахилл и Патрокл; Тесей и Пирифой; кроме того, Дамон и Пифий (Финтий). Ср. *Цицерон*, "Об обязанностях", III, 45; "О пределах добра и зла", I, 65; II, 79.
38. ...тех, кто в этом искушен... — Имеются в виду греческие философы и риторы, находящиеся в Риме.
39. ...кто рассматривает эти вопросы более тонко... — Намек на стоиков.
40. См. "О старости", прим. 40.
41. В подлиннике "pingui Minerva", поговорка. Ср. *Гораций*, Сатиры, II, 2, 3.

42. Ср. *Цицерон*, "О государстве", I, 39; "О пределах добра и зла", V, 66; "Об обязанностях", I, 17.
43. Ср. *Аристотель*, "Никомахова этика", VIII, 7, 2.
44. ...узы привязанности соединяют... немногих. — Как явствует из писем Цицерона, его знакомства были обширны. Дружеские отношения он поддерживал с ограниченным кругом лиц: Марк Марий, Гай Требаций Теста, Луций Папирий Пет, Гай Маций. Его самым близким другом был Тит Помпоний Аттик.
45. ...кто видит высшее благо в доблести... — Имеются в виду стоики, как и ниже, 21.
46. Имеются в виду Луций Эмилий Павел Македонский, победитель царя Персея под Пидной (168 г.); Гай Сульпиций Гал (см. "О старости", прим. 116); Луций Фурий Фил, консул 136 г., выведен Цицероном как участник диалога "О государстве". См. "О государстве", I, 21 сл.
47. ...*"Жизнь жизненная"* — "vita vitalis", т.е. подлинная жизнь. См. *Энний*, фр. 17 Фален².
- 47а. Ср. *Цицерон*, письмо к Аттику, VIII, 14, 2 (346).
48. Выражение, связанное с формулой "aquae et ignis interdictio" (запрет предоставлять воду и огонь, т.е. оказывать гостеприимство, налагавшийся при изгнании и лишении гражданских прав). См. *Цицерон*, речь о доме, 78.
49. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Милона, 97; Палатинская Антология, VII, 251 (Симонид Кеосский).
50. ...ученый муж, родом из Агригента... — Эмпедокл (V в.), по учению которого мир построен из четырех элементов: вода, воздух, земля, огонь.
51. *Марк Пакувий* (ок. 218-230) — трагический поэт. Речь идет о его трагедии, подражании "Ифигении в Тавриде" Еврипида. *Орест* и *Пилад* приехали в Тавриду, чтобы похитить изображение богини Артемиды. Они были схвачены, и царь Фоант осудил Ореста на казнь, но не знал, который из чужеземцев Орест. Ср. *Цицерон*, "Оратор", 36; "Об ораторе", II, 27.
52. См. *Цицерон*, "О государстве", III. Луций Фурий Фил был сторонником взглядов Карнеада, основателя Новой Академии.
53. Ср. *Цицерон*, "О подборе материала", II, 116 сл.
54. *Амог* — любовь, *amicitia* — дружба. Ср. ниже, 100.
55. О *Гае Фабриции* Лусцине и *Мании Курии* Дентате см. "О старости", прим. 40.
56. *Тарквиний Гордый*, последний царь Рима согласно традиции. См. *Цицерон*, "О государстве", II, 46; 51. *Спурий Кассий* Вецеллин, консул 502, 493 и 486 гг., предложивший закон о распределении части государственных земель между плебсом, был заподозрен в стремлении к единовластию и казнен. О *Спурии Мелии* см. "О старости", 56. Ср. ниже, 36; речи: О доме, 101; В защиту Милона, 72.
57. Война с *Пирром* происходила в 282-272 гг., война с *Ганнибалом* (II пуническая) — в 219-201 гг. Ср. "О старости", 16; 43; 75; "Об обязанностях", I, 38; 40; *Ливий*, XXI, 4, 9; *Гораций*, Оды, III, 6, 36; IV, 4, 42; *Ювенал*, Сатиры, VII, 161.
58. По учению стоиков, мудрый человек не нуждается ни в чем, хотя есть много такого, что ему было бы желательно получить. Ср. *Сенека*, Письма, 9; *Платон*, "Лисис", 215 В.
59. ...кто... сводит все к наслаждению... — т.е. эпикурейцы. Цицерон относился к учению Эпикура отрицательно. Ср. "О старости", 43 и прим. 101.
60. Ср. *Цицерон*, письма к Аттику, IX, 10, 4 сл. (364); 13, 2 сл. (369).
61. Ср. *Цицерон*, "Об обязанностях", I, 87; речи: В защиту Мурены, 15 сл.; В защиту Сестия, 72; В защиту Планция, 2 сл.
62. О борьбе между требованиями гражданского долга и чувством личной дружбы см. *Цицерон*, письма к близким, XI, 27 (784); 28 (785).
63. Гней Марций *Кориолан*, по преданию, отличился в борьбе против изгнанных Тарквиниев, но впоследствии вызвал к себе ненависть своим предложением во время голода продавать хлеб по низкой цене, но при условии упразднения трибуната. Кориолан бежал из Рима, перешел на сторону вольсков и повел их против Рима. См. *Цицерон*, "Брут", 41 сл.
64. Понятия "царь" и "царская власть" для Цицерона были равносильны понятиям "тиранн" и "тирания"; см. прим. 91. Ср. ниже, 41; "О старости", 56; "Об обязанностях", III, 82; II речь о

- земельном законе, 8; 15; 20; 32 сл.; речь в защиту Суллы, 25; письма к Аттику, I, 16, 10 (22); II, 13, 2 (40); к близким, IX, 19, 1 (476); VI, 19, 1 (652); XII, 1, 1 (754), XI, 5, 3 (810); 8, 1 (816).
65. Цицерон дает деятельности *Гракхов* разную оценку: положительную во II речи о земельном законе, 10; в речи в защиту Рабирия, 14; отрицательную в речах: Об ответе гаруспиков, 41; В защиту Милона, 8; 72; в трактатах: "Об ораторе", I, 38; "Брут", 103.
66. *Квинт Элий Туберон* — внук Луция Эмилия Павла Македонского и племянник Сципиона Эмилиана, был претором в 123 г. и консулом-суффектом в 118 г.; противник Гракхов; выведен Цицероном как участник диалога "О государстве". См. "Брут" 117; речь в защиту Милона, 75 сл.
67. *Блоссий* — философ-стоик, сторонник Тиберия Гракха. Будучи осужден после смерти Тиберия Гракха, он бежал в Пергам к царю Аристоннику, который тогда вел войну с Римом. После поражения Аристонника в 130 г. Блоссий покончил с собой.
68. Об *узах гостеприимства* см. "О старости", прим. 81.
69. *Тит Попилий Ленат* и *Публий Рупилий* были консулами в 132 г.; противники земельной реформы Тиберия Гракха.
70. См. *Плутарх*, "Тиберий Гракх", XX, 4.
71. *Квинт Эмилий Папий* и *Гай Фабриций Лусцин* были консулами в 282 и 278 гг., цензорами в 275 г.
72. *Гай Папирий Карбон* — плебейский трибун 131 г., сторонник Тиберия Гракха. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Милона, 8; "Об ораторе", II, 170; "Брут", 103; письма к близким, IX, 21, 3 (496); к брату Квинту, II, 3, 3 (102).
73. *Гай Порций Катон* — внук Катона Цензория, консул 114 г. См. выше, 37.
74. *Гай Семпроний Гракх* — плебейский трибун 123 и 122 гг.
75. ...*"беговая дорожка"*... — Метафора, заимствованная из терминов, относящихся к состязаниям в цирке.
76. ...*царствовал в течение нескольких месяцев*. — Нобилитет, к которому принадлежал Лелий, обвинял Тиберия Гракха в стремлении к диктатуре. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Суллы, 21 сл. См. выше, прим. 64.
77. Подозрение, что Сципион Эмилиан умер не своей смертью, Лелий высказал выше, 12; здесь, скорее всего, имеется в виду *Публий Корнелий Сципион* Насика Серапион, консул 138 г., возглавивший движение против Тиберия Гракха, закончившееся его убийством в 133 г. Насика бежал из Рима и умер в Пергаме.
78. *Габиниев закон* 139 г. ввел тайное голосование при выборах магистратов; *Кассиев закон* 137 г. — в суде по уголовным делам. Ср. *Цицерон*, "О законах", III, 35 сл.; "Брут", 97; 106; II речь о земельном законе, 4.
79. ...*народ отторгнут от сената*... — Возможно, что Цицерон имеет в виду современных ему популяров ("народ") и оптиматов ("сенат"). Ср. речь в защиту Сестия, 96 сл.
80. *Поэтому оба они покончили с собой*. — Цицерон здесь, по-видимому, передает взгляд Лелия. Сам он отрицает самоубийство *Фемистокла* в "Бруте", 42 сл., но говорит о нем в речи в защиту Скавра, 3. Другие его сведения о Фемистокле тоже противоречивы. См. письма: к близким, V, 12, 5 (112); к Аттику, IX, 10, 3 (264); X, 8, 7 (388). См. *Плутарх*, "Фемистокл", XXXI. По свидетельству Ливия (II, 40), Кориолан жил в области вольсков и достиг старости. См. прим. 63.
81. Возможно, намек на участь Цезаря.
82. Цицерон не раз отказывал друзьям в исполнении их просьб, которые считал несправедливыми. Ср. письма к Аттику, V, 21, 10 сл. (249); VI, 1, 5 сл. (251).
83. ...*высказывали странные мысли*... — т.е. парадоксы. См. *Цицерон*, "Парадоксы стоиков", предисловие, 4; "О пределах добра и зла", IV, 74.
84. Ср. *Еврипид*, "Ипполит", 253 сл. Выше Цицерон высказывается о взглядах эпикурейцев.
85. *О, превосходная мудрость!* — Имеется в виду учение Эпикура.
86. Ср. *Цицерон*, речь против Писона, 19; *Гомер*, "Одиссея", XIX, 163; *Теренций*, "Самоистязатель", 876.

87. *Ведь не надо слушать тех, кто хочет, чтобы доблестное сердце было жестоким и как бы железным...* — Имеются в виду стоики. Ср. Цицерон, речь в защиту Мурены, 61 сл.
88. *О славе* Цицерон высказывает разные суждения. Ср. речь в защиту Архия, 28 сл.; "О государстве", VI, 20.
89. *...люди, основывающие дружеские отношения на пользе...* — Имеются в виду гедонисты (Аристипп, киренская школа). См. выше, 46.
90. *... не надо слушать людей, пресыщенных удовольствиями...* — Имеются в виду эпикурейцы и гедонисты. Ср. выше, 32; "О старости", 84.
91. *Тиранией* называлась форма правления, сложившаяся в VI в. в греческом полисе; она возникала после захвата власти лицом, часто принадлежавшим к знати, но опиравшимся на народ и действовавшим от его имени. При некоторых тираннах полисы достигли расцвета. Впоследствии тирания стала предметом ненависти народных масс. Цицерон в большинстве случаев придает понятию "тиранн" отрицательное значение (как и понятию "царская власть"). См. Цицерон, "О государстве", I, 50; "Об обязанностях", I, 112; II, 23; III, 32; письма: к Аттику, XIV, 4, 4 (720); к близким, XII, 1, 2 (724); к Бруту, I, 4, 5 (865).
92. Ср. Цицерон, "Тускуланские беседы", V, 57 сл.; "Об обязанностях", I, 26.
93. *Ведь Фортуна не только слепа сама...* — Поговорка. Ср. Цицерон, речи: Против Писона, 22; XIII филиппика, 10; Овидий, Послания с берегов Понта, IV, 8, 16.
94. *Об империи* см. "О старости", прим. 99.
95. Делосские и коринфские бронзовые *сосуды* ценились высоко. Коринфская бронза была сплавом меди, серебра и золота. См. Цицерон, речи: В защиту Секста Росция, 133; Против Верреса, (II) II, 83.
96. *...было высказано три различных мнения...* — Кто именно высказал эти три положения, неизвестно; первое относится к эпикурейцам.
97. В годы диктатуры Цезаря Цицерон не раз ходатайствовал перед ним за помпеянцев, находившихся в изгнании. См. речи: По поводу возвращения Марцелла; В защиту Лигария; письма к близким, IV, 14, 3 (479); 6, 8 сл. (491).
98. См. Цицерон, речи: Против Катилины, Против Ватиния; Против Писона.
- 98а. *...расчислять дружбу...* — Ср. "Об обязанностях", I, 59 и прим. 81.
99. См. Цицерон, письма к близким, VII, 6-18 (135, 139, 143, 148, 150, 155, 158, 161-163, 167, 177).
100. См. выше, прим. 13. Ср. Аристотель, "Риторика", II, 13.
101. Ср. выше, 39 сл.
102. Цицерон иногда — из политических соображений — выступал как защитник в сомнительных делах, например, в защиту Фонтя (69 г.), в защиту Флакка (62 г.), в защиту Милона (52 г.). Ср. "Об обязанностях", III, 40 сл.
103. Ср. Ксенофонт, "Меморабиллии", II, 4, 1 сл.
104. Ср. Цицерон, "Брут", 204; Феогнид, 125 сл. Бергк.
105. Энный, "Гекуба", фр. 210 Фален². Ср. Еврипид, "Гекуба", 1226.
106. *Обвинение* в уголовном деянии, окончившееся осуждением (особенно если осужденный был видным лицом), считалось заслугой и облегчало политическую карьеру молодым людям. Ср. "Об обязанностях", II, 47 сл.; "Об ораторе", II, 74; "Брут", 159; речи: В защиту Секста Росция, 83; В защиту Клуенция, 11.
107. *...приветливость в беседе и характере...* — Возможно, что Цицерон имеет в виду Тита Помпония Аттика.
108. *...дружба должна быть... более склонной ко всяческой ласковости и доступности...* — Возможно, что Цицерон имеет в виду своих современников: Марка Катона, Марка Брута, Сервия Сульпиция Руфа.
109. *...съесть вместе много модиев соли...* — Поговорка. Ср. Плавт, "Жребий", 538; Аристотель, "Никомахова этика", VIII, 4, 8. Модий — 8,75 литра.
110. *...радует местность даже гористая и лесистая...* — Очевидно, древние не любили гористых и лесистых местностей. Ср. Ливий, XXI, 32, 7.

111. Луций Фурий *Фил* и Спурий *Муммий* выведены Цицероном как участники диалога "О государстве". Публий *Рупилий*, консул 132 г., вместе со своим коллегой Публием Попилием преследовал сторонников Тиберия Гракха, за что они оба были изгнаны Гаем Гракхом в 123 г. В 131 г. Рупилий подавил восстание рабов в Сицилии, а затем, вместе с десятью легатами, составил уложение для Сицилии (*lex Rupilia*). См. *Цицерон*, речи против Верреса, (II) II, 39; 90; 125; III, 125; IV, 112.
112. *Квинт* *Фабий Максим* Эмилиан — старший сын Луция Эмилия Павла Македонского, усыновленный Квинтом Фабием Максимом; его младший сын — Сципион Эмилиан, усыновленный сыном Сципиона Африканского Старшего.
113. Ср. *Демосфен*, речь о венке, 269; *Теренций*, "Девушка с Андроса", 43 сл.; *Сенека*, "О благодеяниях", II, 10, 4.
114. О *Публии Рупилии* см. выше, 37; 69.
115. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Архия, 13; *Гораций*, Оды, III, 24, 58; Сатиры, I, 5, 49.
116. *Педагог* (*греч.*) — раб, сопровождавший мальчиков в школу и из школы. Обычай поручать детей попечению рабов и рабынь греческого происхождения возник в Риме после завоевания Южной Италии с ее греческими колониями — после того как римляне познакомились с греческой культурой. Рабы-греки (*custodes*) сопровождали юношей в путешествиях и походах.
117. Ср. *Гораций*, "Наука поэзии", 158 сл.
118. *Неоптолем* (*миф.*) — сын Ахилла и Деидамии, воспитывался у *Ликомеда*, деда по матери, царя о-ва Скира. См. *Гомер*, "Илиада", XIX, 326; "Одиссея", XI, 508.
119. Марк Порций *Катон* Цензорий — см. выше, 4; ср. "Об обязанностях", I, 120.
120. *Квинт Помпей* Непот — консул 141 г. (первый консул в плебейском роду Помпеев), цензор 131 г. (первый цензор-плебей) [Первый цензор-плебей — Г. Марций Рутул, цензор 351 г. до н.э. (Тит Ливий, VII, 22, 7-10); в 339 г. до н.э. был принят закон Публилия, согласно которому один из цензоров обязательно должен был быть плебеем (Тит Ливий, VIII, 12, 16). — Прим. О. Любимовой.]; он будто бы обещал Лелию свою помощь при соискании им консулата, но вместо этого постарался о своем избрании в консулы. Ср. "Об обязанностях", III, 109.
121. *Квинт* *Цецилий Метелл* Македонский — консул 143 г., противник Сципионов. "*Наш коллега*" — как авгур. Ср. "Об обязанностях", I, 87; "О государстве", I, 31.
122. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", I, 67; письма к близким, VII, 5, 1 (134); *Аристотель*, "Никомахова этика", IX, 9, 10. Выражение вошло в поговорку.
123. ...*делает как бы из двух душ одну!* — Ср. *Цицерон*, "Об обязанностях", I, 56; *Гораций*, Оды, I, 3, 8.
124. ...*делаем то, что уже сделано.* — *Rem actam agere*, поговорка, Ср. *Цицерон*, письма к Аттику, IX, 6, 6 (356); 18, 3 (374); *Плавт*, "Раб-обманщик", 260; *Теренций*, "Формион", 419.
125. ...*кто на досуге занимается своими делами...* — Возможно, имеется в виду Тит Помпоний Аттик, отказавшийся от политической карьеры и занимавшийся коммерческими делами.
126. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", I, 65.
127. *Тимон Афинский* (V в). — философ, прозванный мизантропом.
128. Об *Архите* см. "О старости", 39, прим. 91.
129. Ср. *Цицерон*, "О государстве", VI, 16 сл. Друзья Сципиона Эмилиана не были чужды пифагорейской философии.
130. Возможно, намек на предостережения Аттика насчет некоторых литературных произведений Цицерона. Ср. *Цицерон*, письма к Аттику, XV, 14, 4 (759); XVI, 11, 1 (799).
131. *Теренций*, "Девушка с Андроса", 68. Перевод А.В. Артюшкова. Ср. *Цицерон*, письма к Аттику, VII, 3, 10 (293); *Квинтилиан*, "Обучение оратора", X, 1, 99.
132. Ср. *Цицерон*, "Об обязанностях", I, 26.
133. *Гнафон* — персонаж комедии Теренция "Евнух", 252 сл. Перевод А.В. Артюшкова. См. ниже, прим. 140.

134. В год своего консулата (63 г.) Цицерон высоко ставил понятие "*популяр*" (*consul popularis*): человек, заботящийся об интересах народа. Ср. речи: О земельном законе: I, 23, II, 6 сл.; 15; 102; III, 7 сл.; В защиту Сестия, 96 сл.; VI филиппика, 19; "Об обязанностях", I, 85.
135. О *Гае Папирии Карбоне* см. выше, 39 и прим. 72. В 131 г. Карбон предложил закон, допускавший переизбрание плебейского трибуна на следующий год после его первого трибуната (вместо 10-летнего перерыва). Сципион и Лелий высказались против его предложения, и закон был отвергнут; он был принят несколькими годами позднее.
136. *Квинт Фабий Максим Эмилиан* (см. выше, 69) и *Луций Гостилий Манцин* были консулами в 145 г. При штурме Карфагена (146 г.) Манцин одним из первых ворвался в город.
137. *Гай Лициний Красс* предложил в 145 г., чтобы члены жреческих коллегий избирались комициями, а не кооптировались соответствующей коллегией.
138. ...*Красс первым начал обращаться к народу, говоря на форуме.* — Ранее, по обычаю, ораторы, выступая на форуме, обращались лицом к Гостилиевой курии, обычному месту собраний сената. Плутарх приписывает эту перемену Гаю Гракху; "Гай Гракх", V.
139. ...*если ты не увидишь открытого сердца...* — Поговорка. Ср. *Плиний мл.*, письма, VI, 12, 3; *Сенека*, письма, 59, 9.
140. ... *не будь на свете хвастливых воинов.* — Лелий имеет в виду персонажи комедии Теренция "Евнух" — Парасита Гнафона и воина Фрасона и персонаж комедии Плавта "Хвастливый воин" — Пиргополиника. Далее следует цитата из "Евнуха", 39; перевод А.В. Артюшкова. Ср. *Цицерон*, письма к близким, I, 9, 19 (159),
141. Ср. "О старости", 36; *Цецилий Стаций*, "Наследница", фр. 243 сл. Риббекк²; сюжет, по видимому, заимствован у Менандра.
142. Ср. выше, 26, прим. 54.
143. *Луций Эмилий Павел* Македонский (§ 9); *Марк Порций Катон* Цензорий (§ 4); *Гай Сульпиций Гал* (§ 9); *Публий Корнелий Сципион Насика* (§ 101), отец убийцы Тиберия Гракха, зять Сципиона Африканского Старшего.
144. *Тиберий Семпроний Гракх* — консул 177 и 163 гг., муж Корнелии, дочери Сципиона Африканского Старшего, отец известных плебейских трибунов, тесть Сципиона Эмилиана.
145. *Публий Рутилий Руф* был учеником стоика Панэтия; в 133 г. он как военный трибун участвовал в осаде Нуманции; консул 105 г. В 95 г. он был легатом проконсула Квинта Муция Сцевола в Азии; его неподкупность восстановила против него римских всадников (откупщиков); всаднический суд осудил его якобы за вымогательство, и он удалился в 92 г. в изгнание. См. *Цицерон*, "О государстве", I, 13; "Об ораторе", I, 229; "Брут", 85 сл.; "Об обязанностях", II, 47; III, 10.
146. *Авл Вергиний* был правоведом; упоминается в "Дигестах".
147. Ср. *Гомер*, "Илиада", VI, 146 сл.
148. ...*достигнуть... известковой черты.* — Поговорка; см. "О старости", 83 и прим. 182.
149. ...*отдохновение, преисполненное радости.* — Возможно, Цицерон имеет в виду свои дружеские отношения с Аттиком.